

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА СТАЛИ

18+

ТРИША ЛЕВЕНСЕЛЛЕР

ЕЁ КУЗНИЦА – ЕЁ ТЮРЬМА

Young Adult. Бестселлеры Триши Левенселлер

Триша Левенселлер
Повелительница стали

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Левенселлер Т.

Повелительница стали / Т. Левенселлер — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Бестселлеры Триши Левенселлер)

ISBN 978-5-04-178910-7

Зива одолела могущественную военачальницу, но цена была слишком высока. Теперь девушка вместе с наемником Келлином и молодым ученым Петриком отправляется на поиски волшебницы-целительницы, способной спасти жизнь ее сестры. Поиски приводят друзей прямиком в лапы врага. Зива и Келлин попадают в плен. Чтобы защитить своих близких, девушка вынуждена создавать магическое оружие для того, кто стремится захватить власть. Кузница всегда была безопасным местом для Зивы. Местом, где девушка пряталась от людей и собственных демонов. Но теперь ее убежище превратилось в тюрьму, и Зива не знает, чем придется пожертвовать, чтобы спасти Келлина и остановить войну.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-178910-7

© Левенселлер Т., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Триша Левенселлер

Повелительница стали

Tricia Levenseller
The Twin Hammers

© 2022 by Tricia Levenseller

© Ускова К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Моим братьям-воинам, которые каждый день борются с социофобией. Ты важен. Я вижу тебя. Продолжай бороться. Впереди еще так много хорошего.

«Я понял, что разные мелочи, житейские деяния простого люда помогают сдерживать тьму. Это обыкновенные любовь и доброта».
Гэндальф, «Хоббит: Неожиданное путешествие».

Глава 1

У нас нет на это времени.

Упавшее на дорогу дерево преграждает нам путь к мосту.

Я перевожу взгляд на свою спящую сестру и на красные пятна на ее губах, как вдруг ее свистящее дыхание превращается в кашель. Я переворачиваю Темру на бок, чтобы она не захлебнулась собственной кровью. Настойка помогает нам держать ее без сознания, чтобы она не трогала свои раны и не усугубляла их. Из швов на ее руке больше не сочится кровь, но порез на боку задел легкое. Кровь продолжает просачиваться внутрь, поэтому ей очень тяжело дышать.

Она угасает прямо у меня на глазах, а до встречи с магически одаренной целительницей, проживающей на Территории Скиро, еще несколько дней пути.

Мой убийственный взгляд останавливается на Киморе, военачальнице, которая сидит связанная всего в нескольких футах от меня. Это она виновна в нынешнем состоянии Темры, и если моя сестра умрет, то никакая сила в мире не сможет удержать меня от того, что я хочу с ней сделать.

Келлин встает с козел, снимает со спины ножны и вытаскивает двуручный меч, который я выковала для него с помощью магии.

– Зачем это? – спрашивает Петрик. – Ты не сможешь прорубить себе путь.

– Тихо. Залезайте вместе с Зивой на заднее сиденье. Не высовывайтесь.

Ученый делает как было сказано, а я осматриваю окружающие деревья и наконец-то осознаю опасность, в которой мы находимся.

Наш отряд невелик, и только трое из нас умеют сражаться: моя находящаяся без сознания сестра; Кимора, которая ранена, связана и освобождать которую мы не собираемся ни при каких обстоятельствах; и наемник Келлин, который, несмотря на то что ему больше не платят, до сих пор остается с нами.

Сейчас он невероятно спокоен, но его настороженный взгляд выискивает опасность.

Группа мужчин с палками и дубинками в руках мчится вверх по склону от реки. Дыхание Петрика прерывается, и я склоняюсь над сестрой, защищая ее.

Вновь прибывшие останавливаются всего в десяти футах от нас.

– Привет, друзья, – кричит один из мужчин. Он крупный, но не настолько, как Келлин. У него сильно выпирает живот, а руки достаточно большие, чтобы обхватить лошадь. Волоча дубинку по земле, он подходит все ближе к нашей повозке. Его брови уже превратились в одну прямую линию.

– Мы не хотим неприятностей, – говорит Келлин. – Среди нас есть раненые. Мы едем в столицу за помощью.

Восемь человек, стоящих за спиной своего главаря, хмыкают, и их лица расплываются в улыбках.

– Это хорошо. Мы и сами не хотим неприятностей. Понимаете, мы здесь для того, чтобы предложить свои услуги. Пятьдесят оклей, и мы поможем вам убрать это дерево с дороги.

И так как один из мужчин неловко взвалил топор на плечо, нетрудно догадаться, что упавшее дерево – его рук дело.

– Проблема в том, что у нас нет денег, – отвечает Келлин.

Главарь с дубинкой прочищает мизинцем ухо.

– Должно быть, я неправильно тебя расслышал, друг. Мне показалось, ты сказал, что у тебя нет денег. Но кто отправляется на прием к целителю, не взяв с собой никаких денег? Цена за нашу щедрую помощь только что выросла до семидесяти пяти оклей.

Такое чувство, что у меня в животе копошится семейство червей. Я ненавижу конфликты, но мой гнев и неудержимое стремление защитить мою сестру вытесняют все остальное.

Я встаю.

– Моей сестре осталось недолго. Дайте нам пройти. У нас действительно нет денег. Целительница – наш друг. Мы не платим за ее услуги.

Стуча перед собой палкой, вперед выходит еще один человек. Он заглядывает в заднюю часть повозки, и Петрик перемещается в такт его движениям, ограждая от него Темру.

– Да она без пяти минут мертва. Вам уже некуда торопиться.

Я пытаюсь заставить себя забыть о смертельном диагнозе бандита, но чувствую себя так, словно меня ударили в живот.

Он не знает о волшебной целительнице. Темру еще можно спасти, напоминаю я себе. Надежда еще есть.

– Девран, – продолжает бандит, – у них здесь сзади связанная женщина!

Главарь, Девран, цокает языком:

– Это нехорошо.

Он огибает телегу, чтобы получше рассмотреть Кимору.

– За ее голову назначена награда? Если это так, мы были бы счастливы забрать ее у вас.

Они ни за что не заберут Кимору. Она – наша разменная монета. Нам нужно сдать ее, чтобы спасти свои собственные головы. Мы надеемся, что ее поимка расположит к нам принца Скиро и убедит его позволить нам воспользоваться услугами целительницы.

И нам нужно ехать. Прямо сейчас!

– Отойдите назад, – произносит Келлин, – и дайте нам пройти. Я не буду повторять дважды.

Девран посасывает нижнюю губу, оглядывает нашу маленькую компанию.

– Вы уж нас извините, но мы не можем поверить вам на слово по поводу денег. Парни, проведите тщательный обыск. И если у них с собой и правда ничего нет, мы просто заберем лошадей и этот меч.

Он указывает на двуручный меч Келлина, Леди Убийцу.

– Он и вправду хорош.

Девять человек против Келлина, Петрика и меня.

Мы, конечно, бывали и в худших ситуациях.

– Все будет хорошо, – шепчу я Темре, хотя она, вероятно, меня не слышит.

Я перепрыгиваю через борт тележки и выпрямляюсь. Мужчина, стоящий ближе всех ко мне, делает шаг назад.

– Вау, – говорит он, глядя на меня снизу вверх.

Да, снизу вверх. С ростом чуть больше шести футов я всегда была выше большинства мужчин. Обычно меня это бесит, потому что из-за роста я становлюсь объектом для постоянных взглядов и комментариев. Но прямо сейчас мне нравится то, как этот бандит смотрит на меня. Он явно напуган.

Когда я вытаскиваю из-за пояса два своих молота, он приподнимает брови.

Может, я и не лучший боец, но опытный кузнец, и уж чего-чего, а махать молотом я умею.

Келлин спрыгивает с телеги и встает рядом со мной. Я смотрю, как Кимора протягивает руки к Петрику в безмолвной мольбе отпустить ее. «Я могу помочь», – говорит ее лицо.

Но Петрик молча хватает из телеги длинный металлический шест и присоединяется к нам. Когда-то его использовали как ось повозки, но теперь это волшебный посох.

– Друзья, – говорит Девран, – вы в меньшинстве, и мои люди будут более снисходительны, если вы сложите оружие. Сегодня никому не нужно лишаться головы.

– Я могу сам разобраться с ними, – говорит мне Келлин, – а ты, если хочешь, подожди в телеге.

– Если бы я хотела ждать в телеге, я бы там и осталась.

– Хорошо.

Он произнес это тихо, но я не чувствую себя виноватой за то, что рывкнула на него. Кажется, теперь меня выводит из себя любое действие или слово Келлина.

Девран с интересом прислушивается к разговору.

– Может быть, из-за нашей вежливости вы составили о нас неверное впечатление. Вы ведь понимаете, что мы разбойники и собираемся ограбить вас? И, если понадобится, мы применим силу.

– Мы в курсе, – отвечаю я. – Это у тебя сложилось неправильное впечатление, если ты решил, что мы легкая добыча.

И я бросаюсь вперед с поднятым вверх левым молотом.

Конечно, он магический, как и все, что я когда-либо делала. Он работает как щит, невидимый барьер между мной и любыми приближающимися врагами. И если кто-то побежит на меня с оружием в руках, то его тут же отбросит назад.

Один из разбойников встает в стойку и уже заносит дубинку, чтобы отразить мой удар, но я сбиваю его с ног и перехожу к следующему.

Увидев, как я перешагиваю через его товарища, тот отступает на несколько футов, чтобы собраться с духом. Он обходит меня стороной и замахивается на меня своей палкой. Я выставлю левый молот вперед, невидимый щит ловит удар, и разбойник падает на спину от силы магического импульса.

Взмахом своего правого молота, в котором нет ни капли магии, я проламываю ему череп.

Итак, минус двое. Оставшиеся семеро уставились на меня так, словно увидели какое-то волшебное, свалившееся с неба существо.

– Дайте нам пройти, – повторяю я еще раз.

Кончики моих пальцев красные. Кровь, мозги и Богини знают, что еще. Желудок сводит.

Мне не нравится насилие, но я готова на все, чтобы защитить тех, кого люблю. Даже если это меня пугает.

Девран поднимает свою дубинку двумя руками.

– В атаку!

Остальных я оставила Петрику и Келлину, а сама решила приглядеть за Темрой.

Леди Убийца, любимый меч Келлина, был заколдован специально для того, чтобы сражаться с несколькими врагами одновременно. Люди Деврана окружают Келлина, но, когда они приближаются к нему, наемник лишь ухмыляется.

Он уклоняется от замахающейся дубинки слева, наносит удар вправо, вонзая кончик своего меча в живот одного из разбойников.

Леди Киллер сама движется в сторону, подталкивая Келлина в нужном направлении, и через секунду туда, где он стоял, вонзается кончик железного шеста.

На Келлина замахиваются одновременно тремя орудиями, и тот, наклонившись назад, описывает Леди Киллер широкую дугу, чтобы отразить каждый удар.

Петрик все еще стоит рядом с телегой, но это только потому, что его оружие лучше работает издалека. Он бросает металлический посох, который вращается в воздухе до тех пор, пока не врежется в одного из разбойников. Тот не носит доспехов, и я слышу, как хрустят ребра. Затем посох возвращается к Петрику, – магия заставляет его всегда возвращаться к заклинателю.

Осталось пятеро.

Келлин и Петрик косят одного за другим до тех пор, пока не остаются только Девран и один из его людей. Тот несется прочь, а Девран удивленно смотрит на нас.

– Кто вы такие, люди?

Келлин Деринор, наемник.

Петрик Аведин, ученый.

Зива Теллион, кузнец.

Наши отношения друг с другом стали сложнее, чем когда-либо. Но каждый из нас готов сражаться ради другого. Наши совместные приключения связали нас кровными узами.

Из фургона снова доносится кашель, и мне ничего не остается, как вытереть руки о собственные штаны, а затем забраться внутрь, чтобы провести Темру.

– Мы спешим, – отвечает Петрик, – а вы надолго нас задержали.

Он бросает посох в Деврана, отбрасывая его на землю. Петрик устремляется за тем разбойником, который сбежал.

Я убираю волосы сестры с ее губ, чтобы они не испачкались в крови, собирающейся у нее во рту. Я оглядываюсь через плечо, собираясь бросить еще один полный ненависти взгляд на Кимору.

Но в телеге больше никого нет.

Я несколько раз моргаю, как будто это может вернуть военачальницу.

– Келлин! – кричу я.

Когда кашель Темры стихает, я осторожно опускаю ее обратно на пол и перепрыгиваю через ту стенку телеги, где болтаются перерезанные веревки.

Как только мои ботинки касаются земли, она уходит у меня из-под ног. Я падаю на землю, всем весом опираясь на руки.

Повернув голову, я вижу под телегой военачальницу. Она выкатывается оттуда, забирается на меня и прижимает тыльную сторону ладони к моему горлу. Я вцепляюсь в ее лицо, пытаюсь скинуть женщину с себя. Судорожно хватаю ртом воздух, который перестал проникать ко мне в легкие.

А потом появляется Келлин и оттаскивает ее.

Кимора бьет его локтем в живот, и Келлин сгибается пополам. К тому времени, как я встаю на ноги, она уже ковыляет прочь. Для женщины с раздробленным коленом она хромает с впечатляющей скоростью, словно и не чувствует боли.

Вновь схватив молоты, я бегу следом. Любому другому такой побег был бы не под силу, но Кимора – самая грозная воительница во всей Чадре. Она собиралась свергнуть всех членов королевской семьи и подчинить себе все королевство. Келлину, Петрику, мне и нашему магическому оружию пришлось работать сообща, чтобы ее одолеть.

Из-за этой женщины моя сестра на пороге смерти. Она сделала меня сиротой. Она хотела, чтобы я снабжала ее армию магическим оружием, и она могла захватить Чадру без какого-либо сопротивления.

Нет никого опаснее.

Нельзя позволить ей сбежать.

Я не осмеливаюсь бросить в нее молот, опасаясь, что она его перехватит. В руках этой женщины даже ветка может стать грозным оружием. Вместо этого я врезаюсь в нее сзади своим молотом-щитом, и она падает на землю. Ни на секунду не останавливаясь, она ползет по траве и тянется к большой палке.

– Тронь ее, и я раздроблю тебе второе колено, – говорю я. Мой голос стал таким низким, что я его не узнаю.

Игнорируя меня, она хватается за палку. Опираясь на нее и на ближайшее дерево, Кимора поднимается на ноги.

К тому времени появляется Келлин с мечом наготове.

– Встань позади нее, – приказываю я, но он и так уже движется в ту сторону.

– Тебе некуда идти, – говорю я. – Сдавайся.

Кимора убирает с глаз выбившиеся сальные пряди волос. Ее обычный строгий пучок растрепался, и она сняла кляп, который скрывал гладкий шрам на ее щеке. Каким-то образом растрепанный вид делает ее еще более устрашающей.

– Твоей сестре нужно в столицу, а ты готова тратить время на погоню за мной? – спрашивает военачальница. – Мне кажется, сейчас каждая секунда на счету.

Ее слова делают свое дело. Я прихожу в бешенство от мысли о том, как много времени мы потеряли. Это делает меня безрассудной.

Скрипя зубами, я прыгаю вперед. Келлин делает то же самое, но со спины. Кимора не может в полной мере защитить себя от нас обоих, опираясь только на одну здоровую ногу, но все же пытается это сделать. Уклоняясь от удара Келлина, она вместе с тем палкой останавливает мой молот. Инстинкт подсказывает мне держаться как можно дальше от этой ужасной женщины.

Я игнорирую его и пинаю Кимору по раздробленному колену.

Она кричит, падает и роняет палку.

Я хватаю одну из рук военачальницы, пытаюсь завести ей за спину. Кимора замахивается другой рукой, целясь мне в голову. Я поднимаю ее заведенную за спину руку выше, растягивая ее мышцы. Когда я толкаю ее вперед, прямо на землю, женщина хрипит. Я вожусь с другим ее запястьем, пытаюсь и его завести ей за спину. Мне приходится давить на нее всем своим весом.

– Сдавайся! – кричу я ей.

– Никогда!

Она пытается запрокинуть голову, и эта поза делает ее похожей на выброшенную на берег рыбу.

– Если у меня будет выбор – позволить тебе уйти или убить тебя, я тебя убью, – говорю я. – Ты отняла у меня все, и ты заслуживаешь смерти!

Келлин наваливается на нее вслед за мной, практически садится ей на ноги, чтобы она не могла выбраться. Он достает кусок веревки, и я использую его, чтобы снова связать ее запястья. Ту же, чем это необходимо.

Мы оба хватаем ее за руки, поднимаем женщину на ноги и тащим обратно к повозке. Всю дорогу Кимора сопротивляется.

Петрик выбегает из-за деревьев и наклоняется, уперев руки в колени.

– Последний из них сбежал.

– Забудь о нем, – говорю я. – Помоги Келлину.

Несмотря на усталость, Петрик помогает затащить мать в повозку. Когда она снова привязана, он осматривает перерезанные веревки.

– Как она освободилась? Она не могла украсть оружие во время драки. К тому же у этих людей были дубинки и посохи, а топор все еще лежит на земле.

– Может быть, кто-то дал ей что-то острое, – говорит Келлин.

– Я бы никогда...

Не обращая внимания на двух парней, я обыскиваю фургон в поисках кинжала или чего-то еще, что могло бы объяснить побег военачальницы.

– Кровь – не водица, – говорит Келлин.

– Я едва знаю эту женщину. Может, она и родила меня, но между нами нет любви. Ты это знаешь. Зачем мне освобождать женщину, которая причинила боль Темре?

– Заткнитесь, вы оба, – говорю я, одной рукой проводя по волосам, а другой протягивая им заточенный кусок металла.

– Заколка из ее пучка. Она достала ее несколько дней назад. Должно быть, ждала подходящего момента, чтобы использовать.

Келлин старается не встречаться взглядом с Петриком.

– Извини, – ворчит он.

– Когда ты собираешься начать доверять мне? – спрашивает Петрик. – Все, что я делал до сих пор, так это помогал. Возможно, я и держал свое происхождение в секрете, но я никогда не предавал никого из вас.

– У нас есть проблемы поважнее, чем ваши ссоры.

Я смотрю на мост.

– Мы все еще не можем проехать, и любой, кто мог бы помочь нам убрать ствол, – либо без сознания, либо мертв, либо сбежал. Есть другая дорога?

– Да, – говорит Петрик, – но это добавит полдня пути.

Мне хочется рыдать. Времени и так почти не осталось. Целительница в Аманоре сказала, что у нас есть всего неделя до того, как Темра умрет от полученных ран.

Именно столько времени нужно, чтобы добраться до столицы.

Меня наполняет такая ярость, какой я никогда не испытывала. Вернувшись в телегу, я вытаскиваю из-за пояса свой немагический молот и замахиваюсь им на здоровую ногу Киморы.

Раздается хруст. Крик Киморы приглушен новым кляпом. Вздох Петрика и полный ужаса взгляд Келлина наполняют меня чувством вины, но...

– Обещание есть обещание, – произношу я.

Она больше не сбежит.

Глава 2

Чтобы наверстать упущенное, мы не останавливаемся всю ночь.

Дорога ужасная, вся в колеях и ямах, но мы этого не чувствуем. Перед тем, как покинуть родной город Келлина, я заколдовала металл под тележкой, чтобы обеспечить Темре как можно более плавное путешествие.

Тем не менее я не сплю. Но не из-за постоянного кашля Темры, стонов Киморы или хруста шеи Келлина, раздающегося каждый раз, когда он оглядывается через плечо, чтобы проверить меня.

Я хочу накричать на него, на всех них. Им всем сейчас должно быть больно так же, как и мне. Мое тело находится в каком-то странном состоянии истощения и повышенной бдительности. Чтобы скоротать время, начинаю считать вдохи моей сестры.

Почувствовав движение, я поднимаю руку, испугавшись, что Кимора каким-то образом снова вырвалась на свободу, но это всего лишь Петрик, забирающийся в телегу рядом со мной.

– Тебе нужно отдохнуть, – говорит он. – Позволь мне присмотреть за ней.

– Спасибо, но я в порядке.

– Если будет еще одна драка, отдохнувшей ты будешь полезнее.

Кажется, я так устала, что у меня даже нет сил лгать.

– Я боюсь, что если закрою глаза, она умрет.

– Она достаточно сильна, – самоуверенно говорит Петрик.

Это так приятно слышать, пусть он и не может точно знать, на что способно тело Темры. Он хорошо образованный человек, но едва ли разбирается в медицине. Петрик – ученый из Великой библиотеки в столице Скиро, и он посвятил свою жизнь изучению древней магии. Мы с ним познакомились, потому что он писал книгу о разных видах магии. Хотел узнать все, что можно было знать обо мне и моих способностях.

За время нашего первого совместного путешествия он влюбился в мою сестру. Он никогда не говорил этого напрямую, но я точно знаю. Как можно не влюбиться в мою храбрую и дерзкую сестру? Она такая сильная, такая упрямая.

Когда мы узнали, что Петрик скрыл правду о том, что Кимора его мать, Темра пришла в ярость. Я готова закрыть глаза на его происхождение, пока он нам помогает. Его прежние слова были правдой. Он никогда не предавал нас и вообще не давал повода в нем сомневаться. Он просто утаил один секрет.

Кто бы не захотел скрыть тот факт, что связан с таким чудовищем?

Но чудовище или нет, она все равно его мать.

– Прости, что причинила ей такую боль у тебя на глазах, – шепчу я.

Петрик сглатывает:

– Так было нужно. Мы не можем рисковать тем, что нас снова задержат.

– Я сделала это не из мести. Я сказала ей, что сделаю это, если она...

– Все в порядке, Зива. Правда.

Его темные глаза скользят по лицу Темры, ее волосам цвета красного дерева, ее губам, безупречному лицу – все это едва различимо в лунном свете.

– У нее не было шанса накричать на меня за то, что я утаил этот секрет. Она должна это сделать. Должна сказать мне, что не хочет слышать мои оправдания. Должна швырять в меня всякой всячиной.

Чтобы удержаться от слез, я издаю слабый смешок.

– Так и будет. Все это тебя ждет. Ты уже подумал, как будешь перед ней объясняться?

Он качает головой:

– У меня нет объяснений. Только правда. Я боялся, что ты не подпустишь меня к себе, если узнаешь, кто я такой. Не все могут поверить, что я не испытываю к матери никаких теплых чувств.

При этом он бросает взгляд в сторону Келлина.

– Я знаю, почему ты сделал то, что сделал, – отвечаю я. – И не держу на тебя зла.

– Ты хороший друг, Зива. И еще лучшая сестра.

– Я подвела ее.

– Это не так. Ты все еще борешься за нее. Мы доберемся до столицы. Темра будет исцелена. Мы очистим свои имена, а Кимора получит то, что заслуживает за свое предательство.

Я так сильно хочу ему поверить, но в голове проносятся ужасные картины будущего, которые затем переносятся в мои сны.

* * *

Меня будит тишина.

Повозка остановилась. Я немедленно проверяю, как там Темра.

– Почему мы не двигаемся? – кричу я.

– Лошадям нужен перерыв, – говорит Келлин. – Если мы будем так гнать и дальше, они сдадутся прежде, чем мы доберемся до столицы.

Мы свернули с дороги, и Келлин уже распрягает лошадей. Петрик вместе со своими вещами куда-то идет. Наверное, собирается приготовить еду.

Я остаюсь с Киморой и Темрой.

Клянусь, военачальница никогда не спит. Каждый раз, когда я смотрю на нее, она настороже. Ее глаза бегают туда-сюда в поисках любой возможности сбежать.

– Вот, – говорит Петрик некоторое время спустя. Он протягивает мне миску с бульоном. – Я могу покормить ее, если хочешь.

– Нет, я справлюсь.

– Я все равно помогу.

Он опускается на колени позади Темры и усаживает ее, в то время как я дрожащими пальцами подношу ложку к ее рту.

Я силой разжимаю ее губы и, запрокинув ей голову, вливаю бульон. Увидев, что она пытается сделать глоток, я вздыхаю с облегчением.

– У нас все получится, – говорит Петрик.

– Эта целительница, о которой ты говорил... она хороша?

– Она может работать с телом так же, как ты работаешь с железом. Она хороша, Зива.

Следующая ложка бульона оказывается снаружи и сопровождается еще большим количеством крови.

– Она может залечить дыру в легком Темры? – спрашиваю я.

– Я видел, как она прикрепляла конечности.

Надежда, теплящаяся в моей груди, опасна, но если я потеряю Темру, то потеряю последнего члена своей семьи. Потеряю свое сердце.

Тогда Кимора действительно заберет у меня все.

Когда Темра наедается досыта, взгляд Петрика останавливается на его матери.

– Думаю, мне лучше пойти покормить ее.

Он оставляет меня, зачерпывает еще одну миску бульона и идет к своей матери. Юноша осторожно вынимает кляп и предлагает ей немного воды. Кимора пьет, пьет и пьет. Она не хочет показывать слабость, но по тому, сколько она глотает, я могу сказать, что это путешествие дается ей тяжело. Ее конечности, должно быть, болят из-за того, что она постоянно связана.

Ее запястья и лодыжки покраснели и распухли от туго затянутых веревок, но у нее сейчас есть травмы и похуже.

Я рада, что она страдает, и мне за это не стыдно.

За последние четыре дня лицо Темры стало еще бледнее. Ее губы потрескались. Ее легкие ослабли. От долгого нахождения в одной и той же позе у нее появились пролежни. Но я не решаюсь ее подвинуть – боюсь усугубить травмы.

Возможно, это последние дни, которые я провожу со своей сестрой, а мне даже не удастся поговорить с ней.

Я пытаюсь не думать об этом.

Когда Кимора достаточно напивается, они с Петриком начинают перешептываться. Я не могу расслышать подробности разговора, но от того, что она говорит, Петрик морщится. Он наливает ей немного бульона, кормит ее и продолжает негромкий разговор. Ее лицо ничего не выражает, и я начинаю задаваться вопросом, не следует ли мне подойти ближе.

Вдруг Темра начинает кашлять.

Я осторожно переворачиваю ее на бок и растираю спину. Ее плечи вздымаются, а тело напрягается. Кровь стекает с ее губ.

– Я не оставлю тебя, – говорю я. – Я здесь, Темра. С тобой ничего не случится.

Краем глаза я замечаю движение и оборачиваюсь. Келлин наклоняется, чтобы зачерпнуть немного супа. С его ростом приходится сильно наклониться, чтобы дотянуться до кастрюли. Даже будучи покрытым дорожной пылью от долгого путешествия, он, с золотисто-рыжими волосами и мягкими чертами лица, красавец во всех смыслах этого слова.

Когда-то он так много значил для меня. Какое-то время мы были... вместе. Но вместо того, чтобы бежать и помочь моей сестре бороться с Киморой, он пришел за мной и людьми, которые пытались меня забрать.

Он спас меня, а не ее.

И если она умрет, я никогда не смогу простить его.

Даже если она выживет, я не думаю, что смогу простить его. Он знал, что моя сестра – это весь мой мир. Он знал, что мне не грозила никакая реальная опасность. Кимора хотела, чтобы я осталась жива. Но она хотела убить мою сестру, чтобы преподать мне урок.

И все же он пошел за мной.

Он сделал неправильный выбор, так как же я могу сделать выбор быть с ним?

Взяв себе еду, он подходит к телеге с моей стороны. Я вдруг понимаю, как близко он находится. Я не знаю, почему это чувство сохраняется даже спустя столько времени, проведенного вместе. И все же, когда он рядом, всегда происходит одно и то же. Во мне беспорядочно смешиваются волнение и тревога.

– Мне жаль, что я сомневался в Петрике, – говорит он.

– Снова, – напоминаю я ему.

– Снова.

– Да, ему больно видеть свою мать связанной, но каждый раз, когда она говорит что-то, что может убедить его помочь ей, он смотрит на Темру. Тем самым напоминает себе, почему его мать заключенная и почему должна таковой оставаться.

– Я знаю. Я просто волнуюсь и ничего не могу с этим поделать.

– Он не должен был держать свое происхождение в секрете от нас. Но он совсем не похож на свою мать. Сейчас он здесь, с нами. Ведет нас к тому, кто может помочь.

Пока мы разговаривали, я смотрела прямо перед собой, но теперь, чувствуя на себе его взгляд, я поднимаю глаза.

Его карие глаза встречаются с моими голубыми, и в моей груди начинается настоящий ураган эмоций, каждая из которых пытается одержать верх. Страх. Желание. Ненависть. Смирение.

Когда-то я боялась разговаривать с ним. Не могла сказать ни слова, сразу начинала беспокоиться. Эта ситуация постепенно менялась во время путешествия, когда мы с Темрой наняли его для безопасного переезда в Терсу. Оттуда нам пришлось пересечь еще две Территории, и в конце концов мы остановились в его родном городе Аманор, где я познакомилась с его семьей. Где я почувствовала, что наконец-то действительно знаю этого человека и хочу, чтобы он узнал меня.

Может быть, я даже начала лю...

Эта мысль причиняет боль, поэтому я обрываю себя.

Потому что любить его, доверять ему, хотеть его – все это похоже на предательство по отношению к единственному человеку, который всегда был рядом со мной. У Темры нет такой же тревожности, как у меня. Всю мою жизнь она защищала меня от неловких встреч.

И когда я должна была защитить ее, когда Келлин должен был ей помочь, она была смертельно ранена.

Это моя вина. Это вина Келлина. Это вина Киморы.

Я не могу быть с ним, не возненавидев себя.

Теперь я вижу в его глазах желание, смешанное с болью. Я наблюдаю, как он открывает рот, подыскивая правильные слова, но замирает.

Мы с ним оба знаем, что таких слов нет.

* * *

Келлин немного вздремнул, и мы снова отправляемся в путь. Они с Петриком по очереди управляют лошадьми, а я остаюсь сзади, застряв между человеком, которого я люблю больше всего, и человеком, которого больше всего ненавижу.

Неделя никогда не казалась мне длиннее.

Минута ползет за минутой, день снова медленно приближается к ночи. Время для меня теперь измеряется только тем, насколько хуже становится Темре. Она становится бледнее, худее, слабее.

У нас так мало времени.

– Что мы будем делать, когда доберемся до Скиро? – спрашивает Келлин.

По тому, насколько тихо он это сказал, я понимаю, что эти слова предназначены не для меня.

Петрик садится прямее.

– Мы немедленно попросим аудиенции у Скиро. Он предоставит нам все необходимое.

– Ты говоришь уверенно, – говорит Келлин. – Зачем принцу утруждать себя разговором с нами? Мы беглецы, насколько ему известно. Мы не в том положении, чтобы о чем-то просить.

Петрик смотрит в сторону дороги, его взгляд падает на проплывающие мимо деревья.

– Я думал, ты уже собрал это воедино.

– Что я должен был собрать воедино?

– Кимора – моя мать. Ты еще не догадался, кто мой отец?

Кимора была генералом короля Арунда. Покойная королева умерла вскоре после рождения принца Скиро. Король был одинок и горевал, а потом появилась военачальница Кимора, которая родила ребенка и отправила его учиться далеко от замка...

Сестры-Богини. Он незаконнорожденный сын короля. Отосланный подальше, чтобы не мешался под ногами. Но когда королевство было разделено, Скиро возглавил Территорию, на которой располагалась Великая библиотека. Петрик вырос рядом со своим братом.

Мне следовало сложить два и два гораздо раньше. Видя, что Келлин ничего не понимает, я решаю помочь:

– Он сын короля.

– Что? – голос Келлина повышается на октаву.

– Я очень близок со своим братом, – говорит Петрик. – Мы выросли вместе. Думаю, он сделает все, о чем я попрошу, и уж тем более поможет девушке, которую я... Темре. Он поможет Темре.

– Серьезно? – говорит Келлин, вновь обретя голос. – Есть ли что-нибудь еще, чем ты хотел бы с нами поделиться? Еще какие-нибудь секреты, о которых ты хотел бы так же рассказать между делом?

– Это не было секретом! – говорит Петрик. – Все, кому знаком мой брат Скиро, знают, кем мы друг другу приходимся.

– Келлин, – говорю я. – Не имеет значения, кто его отец. Это не имеет никакого отношения к той ситуации, в которую мы попали.

– В самом деле? Мне кажется, что информация о том, какие у них с братом-принцем хорошие отношения, была бы очень кстати, когда Кимора охотилась за нашими задницами!

– Если бы мы обратились за помощью к Скиро, Кимора объявила бы войну ему и всем невинным жителям этой Территории! – возражает Петрик. – Ты бы поставил их жизни на карту? Теперь мы можем пойти к моему брату, потому что Кимора больше не представляет угрозы! И кроме того, Зива никогда бы не позволила нам искать убежища у кого-то, кто обладает такой властью, пока мы не разобрались с Клинком Тайн.

В этом он, безусловно, прав. И Келлин тоже это знает, потому что наемнику нечего сказать в ответ.

– Так вот в чем план, – говорит Петрик, возвращаясь к текущему вопросу. – Мы просим моего брата о помощи. Он помогает. Больше беспокоиться не о чем.

За исключением того, что Темра может умереть прежде, чем мы успеем добраться до принца.

Глава 3

Я никогда раньше не испытывала облегчения от приезда в большой город.

Обычно меня такие места пугают. Здесь слишком много всего: людей, животных, запахов, звуков.

Но когда лошади везут нас вверх по крутому склону, через городские ворота, прямо в суету городской жизни, я чувствую, что наконец-то могу спокойно вздохнуть. Келлин подгоняет лошадей, и жители столицы отпрыгивают от повозки, выкрикивая проклятия нам в спину.

Уже довольно поздно, так что на улицах не так много народа, как могло бы быть, но люди все еще закрывают свои лавки или спешат за последними покупками.

Столица находится в горах, и ходят слухи, что принц Скиро специально решил обосноваться как можно дальше от своего старшего брата Рависа. Местные жители закутаны в меха и обуты в сапоги из толстой кожи. Похоже, осень рано обрушилась на город.

Петрик указывает Келлину путь к замку, он ведет нас по извилистым дорогам, уклон которых становится все сильнее. Из-за крыш домов и мастерских я наконец вижу пункт нашего назначения. Башни замка – самые высокие сооружения в городе.

Когда мы, наконец, добираемся до них, я вижу, что они соединены с огромной стеной, окружающей территорию замка. Ворота опущены, и мы беспрепятственно можем пройти внутрь.

По обе стороны от входа в замок стоят массивные фигуры. Одна вырезана из белого мрамора, другая – из черного гранита. Эбанарра и Тасминья – Сестры-Богини.

Когда телега останавливается, к нам подходит патрульная стражница.

– Петрик, ты вернулся!

– Прости, Леона, но у меня нет времени на любезности. Пожалуйста, немедленно скажи принцу, что я здесь. Со мной важный пленник, а нашей раненой спутнице нужна Серута.

Не представляю, знает ли Петрик всех стражников или это совпадение, но я рада, что дело сдвинулось с мертвой точки. Леона кричит указания слугам, стоящим у дверей, и те исчезают внутри.

Всего через несколько минут к фургону подносят лежанку, а следом идет небольшой гарнизон стражи с цепями и кандалами. Я помогаю слугам уложить Темру на лежанку. Стражники вытаскивают извивающуюся Кимору из фургона и связывают ее как следует. Сопrotивляясь изо всех сил, она зарабатывает еще несколько царапин и синяков.

– Пожалуйста, – говорит Петрик. – Будьте настолько аккуратны, насколько это возможно в разумных пределах.

Еще больше стражников появляется из главного входа, все они одеты в темно-синие туники с желтым солнцем на груди.

Из замка доносится слабое бормотание, которое постепенно становится все громче.

– Просто пропустите меня! – настаивает голос, проталкиваясь мимо всех остальных.

Этот человек не может быть не кем иным, как принцем Скиро. Под открытой сапфировой мантией он носит темно-золотую тунуку с таким же солнцем, что и у стражников. Смуглая кожа принца Скиро темнее, чем у Петрика. Его голова выбрита, а черты лица настолько мягкие, что Темра, вероятно, назвала бы его симпатичным. Он выше Петрика, но не так высок, как я, хотя и близок к этому. На нем нет никаких особых украшений, отмечающих его положение, но на поясе он носит отделанный драгоценными камнями кинжал в ножнах. Он самый молодой из членов королевской семьи, и я уверена, что ему не больше двадцати лет.

Принц окидывает взглядом повозку, мою сестру на лежанке, Кимору в цепях, а затем его взгляд останавливается на Петрике. Его лицо расплывается в лучезарной улыбке.

– Петрик! – восклицает он, обнимая своего брата. – Мне кажется, или ты стал более накачанным? И что на тебе надето? Я не могу вспомнить, когда в последний раз видел тебя в чем-то, кроме твоего ученого наряда.

– Прости меня, Скиро, – говорит Петрик, – но мы спешим. Нам нужна незамедлительная помощь. Один из моих друзей тяжело ранен. У нее не так много времени. Нам нужна Серута. Не мог бы ты, пожалуйста, позвать ее?

Взгляд Скиро останавливается на Темре и ее бледном лице.

– Заходите внутрь, все вы. Все друзья моего брата – мои друзья.

* * *

Каждая пролетающая секунда ощущается как удар плети на моей коже.

Я наблюдаю, как смотрители используют смоченную в теплой воде ткань, чтобы омыть мою сестру. Они очень аккуратны, но я с нетерпением жду, когда уже придет Серута и сотворит свою магию. Один из смотрителей развязывает бинты на ее руке, и воздух наполняется запахом гнили. Рука инфицирована, и целительница начинает снимать швы и снова вскрывать рану, чтобы выпустить гной.

Но где же Серута?

Когда дверь открывается, я с облегчением оборачиваюсь, готовая приветствовать, умолять и делать все возможное, чтобы привлечь к моей сестре немедленное внимание наконец прибывшей целительницы.

Но это всего лишь какой-то слуга.

– Петрик послал меня забрать вас. Я должен показать вам ваши комнаты, чтобы вы могли привести себя в порядок и отдохнуть. Принц хотел бы, чтобы вы все были его особыми гостями на ужине.

Глядя на него, я моргаю.

Поединать, помыться и отдохнуть?

Моя сестра умирает. Умирает. И они ждут, что я...

– Извините, – говорит кто-то позади меня. Я поворачиваюсь, уже напряженная и готовая броситься к сестре.

Это одна из служанок.

– Она у нас. Она получит самый лучший уход, который мы можем ей предоставить. Вам стоит уйти.

– Я не оставляю ее, – говорю я.

– Я не знаю, как сказать это более деликатно, но вы загрязняете нашу стерильную среду.

При этих словах я осматриваю себя сверху вниз. Под каждым моим ногтем грязь. Моя одежда порвана со времен борьбы с Киморой, испачкана после долгой дороги. Я не могу отличить веснушки на моей коже от прилипшего песка. И я могу лишь догадываться, как от меня пахнет.

Меня охватывает смущение, но оставить Темру все равно непросто.

– Вы хотите сказать, что для нее будет безопаснее, если я уйду?

Служанка вежливо кивает.

– Я могу вернуться, как только вымоюсь? И вы послали за этой...

Я не знаю, широко ли известны магические способности целительницы.

– Серутой?

– Да, вы можете вернуться, и все ресурсы принца в вашем распоряжении.

Я понимаю, что она имеет в виду.

– Очень хорошо, – произношу я, выдыхая.

Когда я поворачиваюсь к ожидающему меня слуге, ему становится легче.

Комната, в которую меня приводят, чистая и пропускает много солнечного света. Она вся заполнена красивыми коврами и гобеленами, красивые узоры которых выглядят так, будто на их создание ушли годы. Ванна уже приготовлена, и я спешу к ней, зная, что чем скорее я вымоюсь, тем скорее смогу снова увидеть Темру и понаблюдать, как целительница колдует над ней.

Оказаться в воде очень приятно, и я позволяю себе наслаждаться ею, пока счищаю с тела накопившуюся за неделю грязь. Закончив, я вытираюсь полотенцем, быстро расчесываю волосы и оставляю их распущенными – они все равно слишком короткие, чтобы с ними можно было что-то сделать. После того как я оделась, выхожу из комнаты и чуть не сталкиваюсь с Петриком. Он также воспользовался ванной и облачился в новую одежду.

– У тебя есть новости? – спрашиваю я. – Как она?

– Без изменений.

Что?

– Почему? Почему она не исцелилась? Где эта целительница, которую ты обещал? Почему все происходит так медленно? Мне что, нужно ходить и стучать во все двери замка?

Петрик останавливает меня прежде, чем я успеваю продолжить.

– Я еще не знаю ответов на эти вопросы, но принц Скиро хочет поговорить со всеми нами. Хорошо, тогда я могу сама потребовать от него ответов.

Я позволяю Петрику провести меня по коридору, который богато украшен гобеленами. Из какой-то далекой комнаты до нас доносится музыка, но я не могу угадать инструмент. Что-то струнное. Петрик не останавливается, пока мы не входим в комнату, которая тоже украшена гобеленами и застелена коврами. Между гобеленами расположены книжные шкафы, полки которых уставлены книгами. В этой комнате музыка звучит громче, хотя музыкантов внутри нет. Возможно, они в соседней комнате.

Небольшой стол заставлен едой. Разнообразные соусы к сочному мясу и не менее пяти различных бочонков вина. Личная охрана принца выстроилась вдоль стен, а сам Скиро сидит во главе маленького стола. Расположившийся рядом с ним Келлин уже ест большие куски хлеба с маслом.

Я не должна злиться на них обоих за то, что они едят, пока Темра умирает, но я в ярости.

– А...

Скиро поднимает глаза.

– Пожалуйста, садитесь. Набивайте животы. Вам, должно быть, есть что рассказать после такого путешествия.

Ни Петрик, ни я не двигаемся с места, и я безумно благодарна ему за то, что он поддерживает меня в этой ситуации.

Скиро вздыхает и роняет куриную ножку, которую подносил к губам.

– Я бесконечно благодарен вам всем за то, что вы привезли мне предательницу Кимору, но я удивлен, брат, что ты отвернулся от нее.

– Я узнал о ее планах убить тебя и остальных и захватить все королевство для себя. Я не мог допустить, чтобы это произошло. Именно Зива узнала об этом и остановила ее.

Он указывает на меня.

– Ее сестра умирает, и мы просим помощи Серуты.

Взгляд Скиро останавливается на мне. Его глаза загораются, а на губах появляется приятная улыбка. Он встряхивается, как будто только что вспомнил что-то, а затем снова поворачивается к своему брату:

– Тебе не следовало рассказывать им о ней – не важно, насколько вы хорошие друзья.

– Теперь я считаю их семьей, – отвечает Петрик.

– Ты обязан им жизнью? Это то, что заставило тебя предать доверие нашего друга Серуты?

- Дело в Темре.
- Умирающей девушке.
- Я люблю ее, Скиро. И мне нужно, чтобы ты спас ее.

При этих словах я неловко переступаю с ноги на ногу. Я, конечно, догадывалась, но, услышав, как Петрик вслух признается в чем-то столь личном, я испытываю секундное смущение. Но если это заставит Скиро наконец действовать, тогда...

- О, я понимаю.
- Выражение лица Скиро меняется:
- Мне очень жаль, Петрик, но ее здесь нет.
- Кого? – спрашивает Петрик.
- Серуты.
- Что ж, тогда пошлите за ней! Где она?

– Несколько недель назад наш дорогой брат Равис послал шпионов в замок. Они узнали о способностях Серуты и украли ее глубокой ночью. Она уже на Территории Рависа.

Я опускаюсь на колени, с моих губ срывается отчаянный крик.

Нет, нет, нет, нет, нетнетнетнет...

Мы сделали это. Мы привезли Кимору. Темра пережила это путешествие.

Но целительницы здесь нет.

Моя сестра скоро умрет.

Я чувствую, как мое дыхание учащается, и слова сами слетают с моих губ:

- Тогда собираемся. Мы отправляемся к Равису.
- Вы не можете перевезти девушку, – говорит Скиро. – Еще одно путешествие наверняка убьет ее, к тому же у нее не осталось времени, которое потребуется, чтобы добраться туда.

Келлин почти забыл о стоящей перед ним еде.

– Вы, должно быть, послали людей за своей целительницей? И, конечно же, они уже везут ее обратно?

Да, это имело бы смысл. Я цепляюсь за рассуждения Келлина.

– Я действительно посылал людей, – говорит Скиро. – Они должны были отчитаться несколько дней назад. Скорее всего их обнаружили и убили.

Последняя крупица надежды утекает, словно песок сквозь пальцы. Я падаю на пол, и тишина наполняется моими криками. Петрик отходит от меня, подходит к своему брату. Тем временем Келлин садится рядом со мной, но все равно не осмеливается обнять меня.

Мое отчаяние слишком велико, чтобы задумываться об этом.

Я не наклоняюсь к нему, не отвечаю на объятия. Я просто чувствую, и мне больно, и... должно быть, это то, что чувствует умирающий.

Внезапно я встаю. Если Темре осталось жить всего несколько мгновений, я собираюсь провести их с ней. Она не должна быть одна.

– Подожди, Зива.

Я поворачиваюсь и сквозь слезы едва вижу Петрика. Я вытираю глаза, пытаюсь сосредоточиться.

– Скиро, – говорит Петрик. Какой бы разговор у них сейчас ни был, похоже, Петрик о чем-то попросил брата.

– Это слишком опасно, – говорит Скиро. – Если мои специально обученные люди не смогли вернуться, едва ли можно ожидать, что твои друзья вернутся, да еще и вместе с Серутой. Кроме того, я не собираюсь так рисковать дверями.

- Для меня, брат.
- Они умрут.
- Нет, Темра умрет!
- Ты знаешь, что я люблю тебя, но ответ по-прежнему отрицательный.

Поворачиваясь ко мне, Петрик рычит:

– Зива, я прошу разрешения рассказать моему брату, кто ты такая и почему мы прекрасно подготовлены для выполнения этой спасательной миссии.

– Нет, – отвечает за меня Келлин.

Спасательная миссия? Мы уже установили, что не сможем вовремя доставить целительницу в столицу, а Темра не переживет еще одно путешествие.

Любой влиятельный человек, знающий о моих способностях, обычно жаждет использовать их в своих целях; зачем Петрику просить меня раскрыться сейчас?

– Это важно для спасения жизни Темры, – добавляет Петрик, видя мои колебания.

Я не понимаю, о чем он, но киваю, ведь что еще я могу сделать? И Келлин не имеет права говорить за меня.

– Это Зива Теллион. Магически одаренный мастер клинка. Мы все носим оружие, которое она выковала. Там, в Аманоре, мы сразились, должно быть, с сорока людьми. Мы втроем вместе свергли военачальницу. Мы можем вернуть Серуту. И разве возвращение твоей целительницы не стоит возможных проблем с дверьми?

Взгляд Скиро останавливается на мне. Я опускаю взгляд на пол, чувствуя себя неловко от пристального внимания, но мои мысли все еще крутятся вокруг сестры.

– Правда? – спрашивает принц. – Как работает твоя способность? Какое оружие ты сделала? Как ты...

– Скиро! – перебивает Петрик.

– Прости.

Он на мгновение задумывается:

– Мне все равно это не нравится. Эти двери – единственное преимущество, которое у меня есть, Петрик.

– Что нужно сделать, чтобы убедить тебя? – в отчаянии спрашивает он.

– Как насчет надежного плана?

При этих словах Келлин оживляется. Принц говорит на его языке, но я все еще совершенно сбита с толку этим разговором.

– Как ты провел своих шпионов в замок? – спрашивает Петрик.

– Они путешествовали пешком. Переодевались, чтобы слиться с людьми Рависа.

– У тебя еще осталась одежда их Территории?

– ...Да.

– Тогда мы ее наденем. Мы используем дверь, спрячем где-нибудь наше оружие, проведем разведку. Мы внедримся в персонал замка. Ты знаешь, где держат Серуту?

– Ее не было в подземельях. Мои шпионы прочесали замок, осмотрев каждый этаж, кроме того, на котором располагаются комнаты Рависа. Он держит ее рядом. Это было последнее, что я слышал, прежде чем их обнаружили. Должно быть, они подобрались слишком близко.

– Значит, нам остается обыскать только один этаж замка. Мы найдем ее и сразу же вернем обратно.

– Она будет под охраной, – говорит Скиро. – Ты не сможешь просто забрать ее.

– У нас есть магическое оружие, – напоминает ему Петрик. – Если понадобится, мы устроим отвлекающий маневр, чтобы выманить их. Уменьшим их численность.

Скиро все еще хочет сказать «нет». Я вижу это.

– Зива будет у тебя в долгу, если ты спасешь жизнь ее сестре, – заканчивает Петрик.

При этих словах Скиро смотрит на меня, опускает взгляд на молоты у меня на поясе. Он вздыхает.

– Хорошо, парень-наемник может идти. Зива и ты останетесь здесь.

– Я тоже иду! – кричим мы с Петриком одновременно.

– Ты слишком важна, чтобы тобою рисковать, – говорит мне Скиро.

– Вы только что узнали о моих способностях! Вы даже не знаете меня. Моя сестра умирает. Будь я проклята, если останусь здесь, когда могу сделать хоть что-то, чтобы спасти ее.

Скиро слегка улыбается.

– Ты мне нравишься, – говорит он.

По какой-то причине это заявление заставляет стоящего рядом со мной Келлина неловко поежиться.

– Я тоже пойду, – снова говорит Петрик.

– Тебя узнают.

– Я единственный, кто знает замок изнутри. Я должен пойти.

– Ты не был там уже много лет.

– У меня хорошая память.

– Я не хочу терять тебя, брат.

– Если она умрет, ты все равно потеряешь меня.

Скиро все понимает. Если он не уступит, Петрик никогда его не простит.

– Тогда тебе лучше прикрыть лицо, – говорит Скиро.

– Я так и сделаю.

Скиро тянется к висящему на шее шнуру, который он спрятал под туникой. Со вздохом он передает его Петрику. Принц зовет слугу, что-то бормочет ему, а затем возвращается к столу.

– Ты уверена, что не хочешь сначала чего-нибудь съесть? – спрашивает он меня.

Я не отвечаю. Я все еще не понимаю, что происходит, и я в таком смятении, что не знаю, что сказать. Я лишь качаю головой.

Слуга возвращается с тремя комплектами одежды. Петрик забирает их, подходит ко мне, хватая меня за плечо и тащит за собой. Он практически бежит по коридорам, и я спешу вслед за ним, чуть ли не спотыкаясь. Келлин плетется за нами.

– Я знал, что он не сможет отказать Зиве, как только узнает, кто она такая, – говорит Петрик. – Мой брат – любитель искусства. Музыка. Книги. Картины. Гобелены. Но особенно он интересуется искусством волшебства. Можно сказать, он собирает вокруг себя магически одаренных людей. Приглашает их к своему двору, платит им щедрое жалованье. Предлагает им безопасность и свое молчание.

Мы сворачиваем в другой коридор, ботинки Петрика скрипят по каменному полу.

– Тебе обязательно было говорить ему, что Зива будет у него в долгу? – спрашивает Келлин. – Что, если он попросит о чем-то, чего она не захочет делать? И что это за двери, о которых ты все время говорил?

– Мы почти на месте. Скоро ты все поймешь.

Еще несколько поворотов. Лестница.

Петрик вертит шнурок в руках. Я замечаю бронзовый ключ между его пальцами.

Мы подходим к двери, которую окружает по меньшей мере дюжина стражников. Главный кивает Петрику, и ученый быстро отпирает дверь, впуская нас. Когда мы оказываемся внутри, Петрик сразу же нас запирает.

Я выхожу на середину комнаты и поворачиваюсь на месте, разглядывая великолепные портреты на стенах. Их пять, и они расположены на равном расстоянии друг от друга. Каждый из них заключен в овальную раму, которая в длину больше моего роста. На первом изображена женщина. Она выглядит старше меня, но не слишком. У нее темно-коричневая кожа, розовые щеки, а волосы заплетены в крошечные, опускающиеся на плечи косички. Она улыбается, демонстрируя ряд идеально ровных белых зубов. Женщина выглядит кокетливо, как будто скрывает какую-то тайну от того, кто на нее смотрит.

На втором портрете изображен мужчина, возможно, того же возраста или чуть старше женщины. Он тоже темнокожий, его руки спрятаны в карманах, глаза смотрят на что-то поверх моей головы. Волосы мужчины, хоть и не длинные, но стоят дыбом, создавая великолепный ореол вокруг его лица. В одном ухе у него серьга, на пальцах кольца.

После мужчины идут две девушки, а затем еще один мужчина. У всех смуглая кожа, и, хотя черты схожи, выражения лиц совершенно разные.

– Это..? – спрашиваю я.

– Остальные мои сводные братья и сестры, – говорит Петрик. Он поворачивается к портрету слева от двери, через которую мы только что вошли. – Познакомься с Рависом, потому что мы определенно не хотим столкнуться с ним во плоти.

Самый старший из детей короля Арунда и, по-видимому, также самый невысокий. Его волосы, как и у Петрика, коротко пострижены. Но, в отличие от Петрика, глаза Рависа смотрят с прищуром; его нос меньше, а губы полнее. Он смотрит прямо в глаза всем, кто наблюдает за ним, как будто бросая им вызов. Ему, должно быть, около тридцати лет.

– Детали переданы просто невероятно. Можно подумать, что они все с нами в этой комнате, – говорю я.

– Это потому, что они были написаны магически одаренным художником.

Мы с Келлином поворачиваемся в сторону Петрика.

– Я не буду раскрывать его имя или личность, потому что я поклялся хранить эту тайну. Это не имеет значения. Нам нужны только его картины, которые с помощью магии превращаются в порталы.

– Порталы, – тупо повторяю я.

– Да, если он рисует одно и то же изображение – деталь за деталью – на двух разных картинах, они работают как мост между двумя местами.

Я снова рассматриваю картины, останавливаясь на Рависе.

– Ты имеешь в виду...

– С ними ты можешь добраться до любой столицы мгновенно, просто сделав шаг.

Я протягиваю руку к лицу Рависа, но Келлин отдергивает ее.

– Это очень удобно, – говорит он. – Так почему мы не использовали их, чтобы добраться сюда?

– Как я уже сказал, порталы соединяют столицы. Мы должны были быть в одной из них, чтобы попасть сюда. А мы были в Аманоре.

– А как насчет того времени, когда мы были в столице Лиссады, спасаясь от военачальницы? Мы могли бы перебраться сюда и быть в безопасности!

Петрик хмыкает:

– Я не знаю, где в каждой из столиц находятся порталы. Я не видел их все! Я просто знаю, что они существуют. Я должен был находиться в состоянии, чтобы привести нас прямо к portalу. Но сейчас, когда мы пройдем через этот, то запомним дорогу и сможем вернуться обратно.

Я резко выдыхаю.

– Ты хочешь сказать, что мы все еще можем спасти Темру?

– Мы можем спасти ее.

– Скажи мне, что делать, – горячо произношу я.

– Сначала нам нужно переодеться.

Петрик раздает вещи, разглаживает складки на своей одежде и начинает раздеваться.

Мне некуда спрятаться в поисках уединения, поэтому я делаю то же самое, изо всех сил стараясь не думать о мужских телах позади меня.

Я облачаюсь в одежду, а затем оглядываюсь в поисках дополнительной юбки.

Ее нет.

Платье, которое на невысокой девушке должно опускаться до колен, мне достает до середины бедра. На Территории Рависа, должно быть, тепло, потому что платье крепится только на одном плече. Я снова натягиваю сапоги, но между верхом сапог и низом платья все еще слишком большое расстояние, и я чувствую себя некомфортно.

Это ради Темры, напоминаю я себе.

Когда я оборачиваюсь, Келлин и Петрик пялятся на мои ноги.

Мои щеки пылают.

– Прекратите! – настойчиво шепчу я им обоим.

Петрик моргает и выпрямляется:

– Прости. Просто я опасаясь, что эта маскировка сработает не в твою пользу.

Келлин медленно поднимает глаза до тех пор, пока наши взгляды не пересекаются.

– У тебя... у меня... У тебя действительно длинные ноги.

Он громко сглатывает, а затем отворачивается.

– Твои длиннее! – отвечаю я. Как он смеет смеяться надо мной в такой ситуации?

Петрик кашляет:

– Я уверен, что он сделал комплимент. У тебя очень красивые ноги, Зива.

– Прекратите говорить о моих ногах!

– Ты права.

Петрик снова без надобности кашляет.

Келлин надел шорты до колен и свободную рубашку, а на Петрике вместе с такой же рубашкой надето что-то вроде юбки. Чтобы скрыть черты своего лица, ученый накинул на голову платок.

Без каких-либо дальнейших подсказок я касаюсь рукой портрета Рависа. Вместо того чтобы упереться в стену, мои пальцы исчезают в картине до самых костяшек.

Я делаю вдох и, закрыв глаза, шагаю вперед.

Глава 4

Я прохожу сквозь портрет словно через открытую дверь, но по ту сторону моя голова тут же обо что-то ударяется.

– Ой.

Я ничего не вижу. Воздух спертый и горячий, а передо мной находится сплошная стена. Я что, в коробке?

Уф.

Что-то врезается мне в спину.

Или *кто-то*.

Большое, теплое тело – слишком большое, чтобы принадлежать Петрику.

Я прижата грудью к стене, а сзади на меня навалилось тело Келлина. Его руки упираются в стену по обе стороны от меня, пытаюсь удержать основную часть своего веса, но я все равно чувствую его всем телом. Его бедра находятся чуть выше моих. Его грудь прижимается к моей спине. Его колени прижимаются к моим бедрам. Нос уткнулся мне в волосы.

Это не должно быть приятно. Я должна ненавидеть его.

Так и есть.

Да... определенно.

– Зива? С тобой все в порядке? Где мы находимся?

– Я не знаю. Я не могу пошевелиться.

– Может быть, если я попытаюсь...

Он пытается подвинуться, но это только заставляет наши тела тереться друг о друга, и верхняя часть его бедра скользит по моей заднице.

Его дыхание учащается.

– Зива, мне это не нравится.

Я мгновенно прихожу в себя. Ему это не нравится? Но я думала... ой, подождите-ка.

– Маленькие пространства, – шепчу я.

– Я их просто ненавижу.

Он начинает ерзать, его руки постукивают по окружающим нас поверхностям. Он пытается не паниковать, но я замечаю, что его движения становятся все более отчаянными.

А затем пространство становится еще меньше – к нам присоединяется третье тело.

Петрик прошел через портал. Я хочу сказать ему, чтобы он возвращался обратно, но тут рука Келлина просовывается между мной и стеной.

Легкий порыв ветра. Я падаю вперед. А потом на меня обрушивается вес двух тел.

Я чувствую себя так, словно из легких выкачали весь воздух. Я не могу дышать даже после того, как их вес перестает давить на меня.

– Зива!

Я начинаю паниковать, потому что все еще не могу дышать и нахожусь в темноте в незнакомом месте.

И тогда, наконец, легкие вновь наполняются воздухом. Я беру две протянутые мне руки, и парни поднимают меня на ноги.

– Чертов шкаф, – говорит Келлин.

– Конечно, шкаф, – говорит Петрик. – Эти портреты должны быть хорошо спрятаны. В противном случае на них мог бы наткнуться кто угодно.

Когда мои глаза привыкают, я осматриваю пространство, освещенное серебристым светом из одного-единственного окна. Похоже, мы находимся в каком-то подсобном помещении. Я могу различить предметы роскоши, зеркала и стулья. Свернутые ковры, шкафы, подобные тому, через который мы только что прошли, каркасы кроватей.

Я кашляю, пытаюсь приглушить звук локтем.

Все покрыто толстым слоем пыли.

– Что теперь? – спрашивает Келлин.

– Давайте найдем выход из комнаты. Мне нужно сориентироваться, – говорит Петрик.

Мы идем вслепую, прижимаясь к стенам. Кто-то опрокидывает канделябр, свечи падают и катятся по полу. Келлин ударяется обо что-то головой. Я чуть не спотыкаюсь о стоящую на полу картинную раму. Когда я пытаюсь удержаться на ногах, то наступаю на стекло, и оно трескается.

Я молюсь, чтобы мы находились достаточно далеко от жилых помещений, и нас никто не услышал.

– Дверь! – говорит Келлин.

Я пробираюсь сквозь лабиринт мебели и оказываюсь рядом с ним. Он пробует открыть защелку.

– Заперто.

Конечно.

Келлин отступает от двери на несколько футов, а затем наваливается на нее всем своим весом.

Я хлопаю его по спине.

– Что ты делаешь? Кто-нибудь может услышать!

– У тебя есть идея получше?

– Да.

Петрик подходит к нам, и я начинаю ковырять петли на двери, вытаскивая крепления.

– Конечно, – говорит Келлин. – Удобно иметь поблизости кузнеца.

– Потому что только мы знаем, как работают двери..?

Нижняя петля поддается не сразу, поэтому Келлин вытаскивает свой меч, чтобы разобиться с последним креплением.

– Кажется, это был камень в мой огород, – говорит он.

– Так и есть, – отвечает за меня Петрик.

Дверь открывается внутрь, так что мы тянем ее на себя.

– Нам просто повезло, что мы застряли там, где петли, – говорю я. – В противном случае нам пришлось бы наблюдать, как с этим всем разбирается Келлин.

– Как жаль, что мы пропустили такое представление, – говорит Петрик.

В коридоре пусто и темно. Нет даже факелов, которые мы могли бы зажечь, чтобы разглядеть дорогу.

– Я выглянул в окно, – говорит Петрик. – Мы на чердаке. Комнаты Рависа должны быть всего этажом или двумя ниже. Ищите хорошо охраняемую дверь.

Мы оставляем наше оружие на чердаке, пряча его за прислоненным к стене портретом. Когда мы уходим, Келлин изо всех сил старается закрыть сломанную дверь. В целом, если никто не будет вглядываться, то может показаться, что дверь просто закрыта.

Это должно сработать.

Мы держимся поближе к стенам и продолжаем идти, спотыкаясь в темноте. На полу нет ковра, стены голые. Уверена, на этих этажах никто не живет и даже не заходит сюда.

– Может, нам разделиться? – нахожу я в себе силы спросить.

Это последнее, чего я хотела бы, но, если благодаря этому мы сможем быстрее вытащить отсюда Серуту и вернуться к Темре, я готова.

– Нет, – отвечают оба парня одновременно.

– Мы бы быстрее обыскали замок, – говорю я.

– Да, – говорит Петрик, – но, если мы найдем Серуту, у нас гораздо больше шансов вытащить ее отсюда, держась вместе.

– Я согласен, – отвечает Келлин.

Я в меньшинстве, и я этому рада. Не хочу оставаться в этом месте одна. К тому же, наткнувшись на кого-то из обитателей замка, я даже не смогу убедительно солгать. Мне просто дается общение с людьми.

Кажется, коридор тянется бесконечно. Дело усложняется тем, что здесь все еще темно. Лишь изредка встречающиеся окна пропускают достаточно лунного света, чтобы появлялись тени. Я убеждена, что каждая из них – это затаившийся в засаде человек, готовый наброситься.

Наконец мы добираемся до лестницы. Мои шаги едва ли громче, чем мое дыхание.

Темра. Ты делаешь это ради Темры. Не имеет значения, поймут ли тебя. Самое главное – сделать все возможное, чтобы спасти ее.

Вдруг мы слышим голоса и останавливаемся как вкопанные. Петрик замер в той же позе, в которой был – с поднятой в воздух ногой, готовый спуститься на следующую ступеньку вниз.

Я не могу разобрать слов; все слишком приглушенно. Кажется, что проходит вечность, прежде чем они заканчивают разговор и двигаются дальше.

Чем ниже мы спускаемся, тем лучше становится видно окружающее пространство. Свет свечей – пусть и слабый – освещает последние ступени лестницы, и мы оказываемся в еще одном коридоре. Окна слева. Двери справа. Я снова слышу голоса, но через мгновение они исчезают за тихо закрывшейся дверью.

На лбу выступает пот. Я чувствую себя перегретой, перенапряженной, переутомленной.

Мне страшно, и я в отчаянии.

Келлин протягивает руку и берет мою ладонь в свою. Только после этого я понимаю, что дрожу. Но я не отстраняюсь. Принимать от него утешение – неправильно, но я слишком сильно этого хочу. Мне нужно сосредоточиться на чем-то осязаемом, чтобы мои мысли не вышли из-под контроля.

Дверь всего в нескольких футах перед нами начинает открываться, и мы втроем ныряем за висащие слева от нас на окнах шторы. Так как наши руки все еще соединены, мы с Келлином прячемся за одной и той же занавеской, а Петрик замирает на расстоянии шага от нас.

Это плохое укрытие. Если кто-нибудь присмотрится повнимательнее, то увидит наши ноги, выглядывающие из-под штор, очертания наших тел за тканью.

Я стискиваю руку Келлина так крепко, что становится больно. Он сжимает мою руку в ответ, проводя большим пальцем по тыльной стороне моих. Шаги затихают, а затем мы слышим, как закрывается очередная дверь.

Я не знаю, сколько еще смогу это выносить.

– Крыло для прислуги, – шепчет Петрик, когда мы отходим от окон. – Высокопоставленных слуг держат поближе к комнатам знати на случай, если они срочно понадобятся. Мы должны спуститься еще на один этаж.

Мы продолжаем наше медленное путешествие.

– Что вы тут делаете? – произносит кто-то позади нас, и я замираю, как вкопанная. Только ощущение руки Келлина дает мне силы повернуться.

Это пожилая женщина с красновато-коричневой кожей. Ее волосы собраны в беспорядочный пучок на макушке, несколько прядей падают на лицо. Ее одежда очень проста, как и наша. Коричневое платье до колен, на одном из рукавов которого разошелся шов, и белый фартук. Из-за того, что освещение плохое, ее глаза остаются скрытыми в тени, и я не могу определить выражение ее лица.

– Мы заблудились, – отваживается ответить Петрик.

Женщина бросает на нас косой взгляд.

– Ну конечно. Вы думаете, что можете так просто бегать на чердак для свиданий среди пыли? Ну и где вы должны сейчас быть?

Мой рот открывается и закрывается, как у рыбы. Чувства проносятся одно за другим. Смущение. Страх. Тревога.

Келлин и Петрик опускают головы, как будто им стыдно.

О, о!

Я быстро делаю то же самое, понимая, что и мне нужно подыграть.

– На кухне, – бормочет Петрик.

– Тогда идите туда! – говорит женщина, махнув рукой.

Парни идут, а я тащусь следом, потому что мои пальцы все еще переплетены с пальцами Келлина. Осознав это, я собираюсь с силами и расцепляю наши руки.

Петрик стряхивает пыль со своей юбки, а Келлин в это время проводит пальцами по волосам, пытаясь уложить пряди на место. Я почесываю свое обнаженное плечо.

– Кажется, мы не подумали о том, как будем выглядеть после прогулки по чердаку, – говорю я.

Мои щеки пылают. Раньше никто даже и подумать не мог о том, что у меня было свидание.

– И все же, это дало нам хорошую историю для прикрытия, – говорит Петрик.

Келлин поджигает губы.

– Она думала, что мы трое...

– Какая разница? – спрашиваю я, чтобы скрыть свое собственное смущение. – Просто радуйся, что нас не поймали. Куда теперь, Петрик?

– Я вижу впереди лестницу. Как только мы спустимся, то окажемся в королевском крыле. Мы должны выглядеть услужливыми.

Услужливыми? Я не представляю, как это. Вот Темра – она талантливая актриса.

И по какой-то причине мне снова хочется взять Келлина за руку.

Я подавляю это желание и следую за Петриком вниз по лестнице.

Коридоры освещены слишком ярко, и я начинаю скучать по темноте. Там я не чувствовала себя выставленной напоказ, и не было ощущения, что все на меня пялятся. Я в курсе, что знать не замечает своих слуг. Знаю, что на самом деле никто на меня не смотрит. Но меня все равно бросает в жар.

Мы лишь изредка проходим мимо разбредающихся по своим комнатам вельмож. Они хорошо одеты. Мужчины – в доходящих до лодыжек туниках с коротким рукавом. Женщины носят платья без рукавов из легких тканей. Я не заметила никого в штанах или плаще. Здесь люди оголяют гораздо больше кожи, чем я привыкла видеть, но если бы я жила здесь, то наверняка последовала бы их примеру. Я не переносу жары.

А сейчас мне жарко.

Я наблюдаю, как Петрик внимательно осматривает каждую дверь, мимо которой мы проходим. В какой-то момент он бормочет: «Это покои Рависа», – и прикрывает лицо платком. Перед дверьми по стойке смирно стоят четверо охранников. Когда мы проходим мимо, они смотрят на нас, и мои нервы напрягаются, словно пружина.

Когда они скрываются из виду, мне становится легче дышать, но лишь немного.

Затем мы подходим к небольшому ответвлению от основного коридора, по которому шли до этого. В конце по стойке смирно стоит группа солдат с копьями в руках. Их ноги расставлены, а глаза смотрят прямо перед собой, на нас.

Только, насколько я могу судить, они ничего не охраняют. За ними нет никаких дверных проемов. Вдоль стен нет ничего ценного. Этот коридор на самом деле совершенно пустой, как будто его обитатели еще не въехали – или собираются уезжать...

Когда мы проходим мимо стражников, мои мышцы напрягаются в ожидании, что кто-нибудь окликнет нас или погонится за нами, но ничего не происходит.

Держись, Темра. Держись.

Мы доходим до конца коридора, где на всякий случай стоит одинокий стражник. Хотя мы знаем, что Серуту держат на этом этаже, у нас нет другого выбора, кроме как спуститься по лестнице, потому что в ином случае мы бы выглядели подозрительно.

– Что теперь? – спрашиваю я, когда мы спускаемся.

– Должно быть, мы что-то упустили, – говорит Келлин. – Или информация принца была неверной. Может быть, целительницу переселили.

– Я так не думаю, – отвечает Петрик. – Если шпионы Скиро были обнаружены, Равис наверняка стал еще более осторожным. Он наверняка держит Серуту рядом, приставив к ней побольше охранников.

– Значит, ты думаешь, что ее держат в его покоях?

Петрик качает головой.

– Равис не стал бы впускать в свои покои кого-то ниже его по статусу. Я бы решил, что она в том коротком коридоре, где стоит много стражи, но...

– Там ничего не было, – заканчиваю я.

– Вот именно.

– Разве на этаже нет комнат, смежных с королевскими? Может, она там?

– Может, но у двери нет стражи, и я сомневаюсь, что Равис рискнул бы иметь дверь между собой и своей заключенной.

– Мы что-то упускаем, – произношу я.

Проходит мгновение тишины, и я решаюсь:

– Мы вернемся и проверим снова. Должно быть, мы что-то упустили.

Келлин выглядит настороженным, но ничего не говорит. Петрик поворачивается и начинает подниматься обратно по лестнице.

Когда мы подходим к стражнику, стоящему у прохода, его глаза сужаются.

– Что у вас за дела на этом этаже?

– Мы ищем кое-чьи покои, – говорит Петрик. – И никак не можем найти.

– Чьи покои?

Петрик называет имя, и я не знаю, выдумал ли он его или действительно знает здесь кого-то.

Стражник напрягается.

– Ты выглядишь знакомо, – говорит он Петрику.

Меня пронзает страх. Нас вот-вот раскроют. Равис убьет нас, а затем погибнет и Темра.

Прежде чем стражник успевает понять, что происходит, Келлин замахивается и вырубает его, а затем ловит прежде, чем тот успевает упасть, и прижимает к стене, поправляя его голову и руки.

Келлин пытается сделать вид, что стражник просто уснул на дежурстве.

– Нам нужно двигаться, – говорит Петрик.

Я присохла к месту, поэтому Келлин снова берет меня за руку и тянет за собой.

– Расслабься, – говорит он. – Постарайся не выглядеть такой испуганной, иначе нас наверняка обнаружат. Сделай это ради Темры.

Я сглатываю, закрываю глаза и делаю вдох, а затем снова перевожу взгляд на пол.

– Так тоже сойдет, – говорит Келлин.

Петрик вдруг останавливается, и, поскольку я смотрю себе под ноги, Келлин останавливает нас позади него.

– Впереди коридор, полный стражи, – шепчет Петрик. – Мы не можем пройти, не вызвав подозрений. Их слишком много, чтобы мы могли так же легко их одолеть. Нас наверняка заметят.

– Есть какие-нибудь идеи? – спрашивает Келлин.

– Почему они вообще там? – спрашивает Петрик сам себя, игнорируя вопрос Келлина.

– Не имеет значения, – говорит Келлин. – Нам просто нужно придумать, как их обойти. Есть какой-то иной способ, чтобы попасть на другую сторону этого этажа?

Пока парни тихо переговариваются, я мысленно представляю тот маленький коридор, вспоминаю детали. Там тупик. Ни дверей, ни окон. Ничего. Если шесть стражников стоят там на случай непредвиденных ситуаций, то почему они выглядят так, будто находятся на дежурстве?

Почему они выглядят так, как будто что-то охраняют, когда вокруг них нет ничего, что можно было бы охранять?

Если только... на самом деле там что-то есть.

Но мы этого не видим.

– Дверь скрыта, – выдыхаю я. Ни один из парней меня не слышит. Поэтому я повторяю немного громче.

О чем бы они ни говорили, разговор заканчивается (хотя, давайте будем честны, это, вероятно, был спор).

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Келлин.

– Мы прибыли через портал. Мы ищем целительницу, наделенную магическим даром. Разве не может быть такого, что там, впереди, есть дверь, скрытая магией?

Петрик медленно моргает.

– Конечно! Я должен был догадаться об этом. У них нет иной причины стоять там.

– Это будет рискованно, – говорит Келлин. – Если вы ошибаетесь, и мы вступим с ними в бой, у нас не будет второго шанса.

– Темра умирает, – говорю я. – И у нее тоже нет второго шанса. Нам нужно попробовать.

– Если мы нападем на них, то привлечем внимание, – говорит Келлин. – Мы безоружны, и у нас нет возможности вернуться за нашим оружием.

Он на мгновение задумывается.

– Нам нужно отвлечь их. Вы двое, прячьтесь. Я уведу стражников.

– Что? – спрашиваю я. – Это плохая идея!

– Это единственный шанс вытащить Серуту отсюда, оставшись незамеченными.

– Нет.

– Темра умирает, – напоминает мне Келлин, повторяя мне мои собственные слова. – Я все сделаю. Не жди меня. Беги к portalу так быстро, как только сможешь. Найди целительницу. Спаси свою сестру.

– Келлин...

Петрик кладет руку мне на плечо и поворачивает к себе лицом.

– Он прав. Пусть он поможет. Это лучший способ.

Я не знаю, что еще сказать. Петрик воспринимает мое молчание как согласие. Он снова ныряет за одну из штор.

Я собираюсь пойти следом, но вдруг кто-то тянет меня за руку, а затем разворачивает.

К моим губам с силой прижимаются обжигающе теплые губы. Такое ощущение, что у меня в груди начинается пожар. Когда Келлин отстраняется, я хочу посмотреть в сторону, но он обхватывает мое лицо руками.

– Не жди меня, – повторяет он. – Мне жаль, что Темра пострадала.

Затем он мягко подталкивает меня к тому месту, где уже прячется Петрик.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать в ответ, он поворачивается ко мне спиной. Наемник ныряет в маленький коридор, и я теряю его из виду.

– Стража, – говорит он уверенным голосом. – Я ищу эту новомодную целительницу. Она где-то здесь?

Его вопрос встречают молчанием.

– Тебя не должно здесь быть, – говорит кто-то.

- Понимаете, я ранен. Разбитое сердце. Надеюсь, она сможет что-нибудь с этим сделать.
- Назови свое имя, – требует другой стражник.

Келлин драматично вздыхает.

- Я надеялся, что вы проведете меня к ней. Ну что же. Тогда я просто пойду.

Петрик хватается меня за плечи и тащит за занавески. Ткань скрывает нас как раз в тот момент, когда я слышу топот ног и последующую погоню. Там, где конец штор соприкасается со стеной, есть совсем маленький зазор, и я смотрю, как Келлин несется по коридору, преследуемый пятью мужчинами.

- Пошли, – говорит Петрик, хватая меня за руку.

Они оставили одну стражницу, и, увидев нас с Петриком, она поднимает копье.

Наше оружие все еще на чердаке.

Она бросается на меня, и я едва успеваю увернуться. Повинуясь инстинкту, мои руки обхватывают рукоятку копья, пытаюсь вырвать оружие.

Петрик подходит, чтобы помочь мне, но стражница бьет его ногой прямо в грудь, и он начинает задыхаться.

Я сильнее ее, но я не натренирована. Я не знаю, что делать, и боюсь вызвать слишком много шума. Я дергаю за оружие, тащу стражницу через коридор и впечатываю ее спиной в противоположную стену. Затем я упираюсь рукояткой копья в ее шею, перекрывая воздух.

Это ужасно – вот так просто причинять кому-то боль. Когда я пользуюсь своим оружием, то, по крайней мере, все заканчивается быстро, и я могу двигаться дальше, прежде чем у меня будет достаточно много времени, чтобы осознать случившееся. Но сейчас я наблюдаю, как глаза стражницы закатываются, чувствую, как ее тело обмякает. Наконец она сползает на пол.

У меня вырывается вскрик, но, сколько бы я ни моргала, сцена передо мной не меняется.

- Зива! – кричит Петрик. – Обыщи стены. Ищи какие-нибудь зазоры, что угодно!

Мои руки дрожат, а в голове полный беспорядок, но я помню, зачем я здесь. Прижимая руки к стене, я молюсь, чтобы под моими пальцами вдруг оказалась дверь. Когда я двигаю руками из стороны в сторону, ничего не происходит, но когда я начинаю тянуться к потолку...

- Петрик!

Я чувствую под пальцами ткань, а затем дергаю до тех пор, пока от стены не отделяется длинное полотно. Когда я ловлю его пальцами, то вижу, что на нем остается тот же узор, что и на окружающей его каменной стене. За полотном была скрыта дверь.

На мгновение я задумываюсь, не заполучил ли Равис в свои руки еще и прядильщицу хлопка, а затем бросаю ткань на землю и вытаскиваю крепления из дверных петель так же, как я делала это на чердаке. Эта дверь запирается снаружи – очевидно, чтобы удержать кого-то от побега.

Когда я, наконец, достаю последнее крепление, мое сердце подскакивает к горлу. Я тяну, раздается шум, но я надеюсь, что Келлин отвлек на себя все внимание, и никто этого не заметил.

Женщина, которая, как я предполагаю, лежала на диване, уже стоит на ногах. Она в ночной рубашке, ее лицо обрамляют распущенные волосы. Они выглядят так, словно их только расчесали. Локоны приглажены, но они очень густые и ниспадают почти до талии. Ее глаза карие, а кожа чуть светлее и более янтарного цвета, чем у Петрика.

- Серута! – восклицает Петрик.

- Петрик?

Она моргает, словно не веря своим глазам.

- Мы здесь, чтобы спасти тебя.

Женщина обхватывает себя руками.

– Вас не должно быть здесь. Последних людей, которые пытались меня спасти, обезглавили. Я знаю это, потому что Равис оставил их головы здесь на неделю. От этого запаха я едва могла дышать.

Все, что мне нужно, – это подтверждение того, что она та, кого мы ищем. Остальное может подождать до завтра. Я встаю позади целительницы и толкаю ее в нужном направлении.

– Ты можешь рассказать нам все подробности позже, – говорю я. – Прямо сейчас есть кое-кто, кому нужна твоя помощь.

Серута не сопротивляется. Босая, она ступает рядом со мной. Моя рука лежит на ее руке, и я направляю женщину в нужном направлении.

– Как вы нашли мою комнату? – спрашивает она. – Дверь была спрятана. Заколдована.

– Мы догадались, – отвечает Петрик.

– Где стражники?

– Один из наших товарищей отвлек их.

– Вы пожертвовали им ради меня? Скиро, должно быть, действительно в отчаянии.

– Мы никем не жертвовали, – говорю я. – Он очень способный. А теперь поторопись. Мы должны провести тебя через портал.

Сомнение целительницы вдруг превращается в надежду.

– Вы действительно собираетесь вытащить меня отсюда.

– Да, – уверяю я ее.

– Хорошо.

Мы ускоряемся. Пробегаем мимо растерянных слуг, которые нас не узнают. Когда позади лишь половина коридора, вдруг звучит сигнал тревоги – где-то в вышине звонят колокола.

Они знают, что она сбежала.

Мы несемся к следующей лестнице и, перепрыгивая через ступеньки, мчимся наверх. Преодолев лестничный пролет, я слышу, как среди слуг поднимается шум.

– Туда! – кричит кто-то.

За нами погоня.

Мои ноги горят. Из-за того, что Серута без обуви, ей сложно быстро передвигаться по твердому полу. Но у меня нет времени думать о ее комфорте. У Темры нет времени. У Келлина нет времени.

Когда мы, наконец, добираемся до чердака, я готова рухнуть в обморок, но бросаюсь искать сломанную дверь.

– Сюда! – восклицает Петрик, отбрасывая ее в сторону. После этого он не возвращает ее на место, – скорость сейчас является нашей главной заботой.

Мы хватаем оружие и начинаем пробираться сквозь темноту, пытаясь найти проклятый шкаф.

Наступая на осколки стекла от рамы, которую я задела чуть ранее, Серута морщится. Одним движением я поднимаю ее в воздух и переставляю в другое место.

– Ой, – говорит она, натыкаясь на что-то. Или скорее это я натолкнула ее на что-то.

Я не извиняюсь.

– Это здесь, Зива, – говорит Петрик.

Он распахивает шкаф. Шаги в коридоре становятся все ближе.

Серута смотрит на картину. Она, должно быть, уже знает, что это такое.

– Спасибо, – говорит она.

– Просто спаси мою сестру, прошу тебя.

Серута встает на цыпочки, чтобы не наступить на стекло, и, зайдя в шкаф, проходит через портрет.

Я оборачиваюсь, оглядываясь в ту сторону, откуда мы пришли.

– Что ты делаешь? – спрашивает Петрик. – Мы должны идти.

– Где Келлин?

– Ты разве не знаешь?

Его голос мягок, но вопрос по-прежнему бесит.

– Откуда мне знать, Петрик? Он исчез из нашего поля зрения десять минут назад!

– Зива, он не вернется.

– Что?

– Он был отвлекающим маневром, чтобы мы могли спасти Темру. Они, должно быть, уже поймали его.

– Нет! Он мастер меча. Он сказал, что встретит нас здесь.

Нет, это неправда. Он сказал, чтобы я не ждала его. А потом он поцеловал меня... как будто прощаясь.

– О, Сестры, – шепчу я.

– Они приближаются, Зива. Мы должны идти. Ты нужна Темре.

Петрик проходит через шкаф.

Но я замираю. Да, я нужна Темре. Она ранена и умирает... Но Серута – единственная, кто может ее спасти. Я больше ничем не могу ей помочь.

И Келлин... зачем ему это делать? Глупец! Глупая я, что не поняла...

В комнату врываются стражники. Один из них замечает меня и кричит остальным.

Сейчас или никогда, Зива.

Я вытаскиваю свой молот. Готовлюсь войти в шкаф.

Нет.

Я не оставляю его.

Вместо этого я подхожу к задней части шкафа. Как раз там висит портрет принца Рависа.

Я поднимаю свой молот.

И я разбиваю портрет вдребезги.

Глава 5

Я уложила семь стражников, прежде чем поняла, что мне не выбраться из замка.

Они так быстро падают под моим щитом и молотом. В отличие от людей Киморы, они не готовы к встрече с моим магическим оружием. Под моим правым молотом раздается хруст костей, и мне в лицо брызгает кровь.

Я творец, а не убийца. Я провела свою жизнь, выковывая сталь для других, и все же я здесь сражаюсь оружием, которое повидало достаточно битв, чтобы заслужить имя.

Я не хочу убивать этих мужчин и женщин. Они всего лишь выполняют приказы. Всего лишь пытаюсь выполнить задание. Это не их вина, что Равис оказался правителем их Территории, и я не виню их за то, что они зарабатывают на жизнь, служа ему.

Но я сделаю все возможное, чтобы найти Келлина и убраться отсюда ко всем чертям.

Мне нужно самой убедиться, вовремя ли мы доставили Серуту к Темре.

Но... сначала мне следует найти этого болвана наемника. Эту самонадеянную свинью. Этого идиота.

* * *

Я прихожу в сознание в незнакомом месте. Затылок пульсирует, словно по нему бьют, как по барабану. Какое-то время я дезориентирована.

Я нахожусь в темнице в замке Рависа.

Мы переправили Серуту через портал.

И Келлин...

– Это второй раз, когда из-за тебя я оказываюсь за решеткой, – говорит голос.

И Келлин в темнице, здесь, со мной.

Когда я поднимаюсь, чтобы сесть, с губ срывается стон.

– Ну что же, это второй раз, когда я просыпаюсь за решеткой после того, как меня вырубili.

– Что случилось? Где Петрик и целительница?

– Они прошли через шкаф.

Я медленно проверяю все свои конечности, беспокоясь, будут ли они двигаться как обычно. У меня сильно болят руки. Между пальцами – засохшая кровь.

– Почему ты не пошла с ними?

В его голосе слышится нотка разочарования.

– Стражники заметили нас. Они нашли шкаф. Я осталась, чтобы уничтожить проход к Скиро и Серуте. И, что самое главное, Темре.

Келлин меняет позу. Наконец я замечаю, что он у противоположной стены. Мы в одной камере. Деревянная дверь с решеткой на окне перекрывает единственный выход.

– Ты могла бы уничтожить портрет с другой стороны. После того как ты прошла туда.

Его слова вызывают у меня приступ тревоги.

– Я об этом не подумала, – говорю я неуверенно.

– Ты такая плохая лгунья. Почему ты осталась?

Я не отвечаю ему и молча начинаю ковырять пальцы, стирая с них засохшую кровь. Я пытаюсь отвлечься от странного ощущения в животе, похожего на клубок извивающихся червей.

Я слышу, как Келлин встает, и это только усиливает мою тревогу. Я в ужасе от этого разговора. От того, что последует дальше. От того, что он знает правду.

Келлин присаживается передо мной на корточки и хватает меня за руки, несмотря на то что они грязные. Пытается успокоить меня.

– Зива, – говорит он. – Почему?

Я вырываю свои руки из его хватки. Меня словно кипятком ошпарило.

– Ты должен был пройти с нами через портал! Тебя не должны были поймать!

– Я знал, что меня поймают. Я никогда и не говорил, что этого не случится.

– Никто не просил тебя жертвовать собой, идиот.

– Нет? Разве ты не этого хотела? Ты считаешь меня виноватым в том, что случилось с твоей сестрой. Разве это не лучшее, что я могу сделать – принести себя в жертву, чтобы она исцелилась?

Я смотрю ему в глаза. Открываю рот. Закрываю.

– Нет, – отвечаю я наконец.

– Что именно «нет»?

– Ты не должен приносить себя в жертву, чтобы она исцелилась. Это я должна! Я не понимала, что ты собираешься делать. Почему ты мне не сказал? Я бы отвлекла их, чтобы вы с Петриком могли сбежать вместе с целительницей.

На его губах появляется легкая улыбка.

– Только я смог бы отвлекать их достаточно долго. Мы все были безоружны. Это должен был быть я, иначе у тебя не было бы времени вытащить Серуту оттуда.

– И, – продолжает он, – если ты хоть на секунду можешь подумать, что я когда-нибудь позволю тебе вот так рисковать своей жизнью, ты очень плохо меня знаешь.

– О, так тебе можно рисковать своей, а мне нельзя?

– Ты особенная. Ты можешь изменить мир с помощью своих способностей. Чадра нуждается в тебе.

– Я...

Но ты тоже особенный, хочу сказать я. Такой талантливый, добрый и веселый.

Прямо сейчас я его ненавижу.

– Твоя семья нуждается в тебе, – кричу я ему в ответ. – Ты столько делал ради них, и ты просто откажешься от всего этого, чтобы исправить одну ошибку?

Келлин пожимает плечами:

– Ты бы позаботилась о них, если бы со мной что-нибудь случилось.

Конечно, я бы позаботилась. Но это ужасно самонадеянно, и зачем ему возлагать на меня такую ответственность?

Я люблю его семью. Они замечательные и добрые, и они не заслуживают того, чтобы этот тупой кретин был их сыном и братом. Я все еще так зла на него. Несмотря на то что в темнице холодно, мое лицо пылает.

Есть так много вещей, которые я хочу сказать, но мне всегда было тяжело найти правильные слова.

Возможно, именно поэтому я выпаливаю:

– Ты поцеловал меня!

Если Келлин и удивлен резкой сменой темы, он этого не показывает.

– И?

– Почему ты это сделал?

Он знает, что для меня все кончено. Я не сказала этого напрямую, но он знает, что я никогда не смогу быть с ним из-за того, что случилось с моей сестрой. Вина за то, что я все еще хочу его – это уже больше, чем я могу вынести.

– По многим причинам, – отвечает он.

– Назови их.

– Я хотел. Я не думал, что увижу тебя снова. Я думал, что как только люди Рависа поймают меня, то посадят за решетку или убьют. Я хотел сохранить в памяти что-то хорошее на случай, если они решат пытать меня, чтобы получить информацию. Я хотел, чтобы последний момент, который я разделил с тобой, был сладким поцелуем, а не спором или напряженным молчанием.

Он замолкает, и между нами возникает напряженная тишина. Он садится рядом со мной на грязный пол.

– Почему бы тебе просто не сказать мне, что тебя расстроило? То, что я поцеловал тебя? Мне не жаль. Жаль только, что тебе пришлось задержаться, чтобы поговорить со мной об этом потом. Ты все еще злишься из-за того, что случилось с Темрой? Я попытался это исправить. Я уверен, что Серута добралась до нее вовремя. Или есть другая причина, Зива? Просто скажи мне. Скажи мне, за что я должен извиниться на этот раз.

– Ты идиот, – говорю я наконец, игнорируя его вопрос, потому что у меня не осталось слов, чтобы выразить, что чувствую.

– Ты хочешь, чтобы я извинился за то, что я идиот?

– Я хочу, чтобы ты перестал болтать. Я сейчас в ярости, и мне нужно подумать!

– О том, как вызволить нас из тюрьмы? Поблизости нет факелов. Я проверил. И даже если бы они были, эта дверь сделана преимущественно из дерева. Стены сделаны из камня. Если мы и выберемся из этой камеры, то не с помощью твоей магии.

Мне хочется плакать. Я вытираю глаза и лишь затем вспоминаю, что мои руки все еще в крови. Теперь она у меня на лице. А я просто хочу быть чистой и не хочу больше причинять людям боль.

Почему все не могут просто оставить меня в покое? Мы с Темрой занимались своими делами. Мы ни о чем таком не просили. С помощью своего оружия я хотела сделать мир безопаснее. Темра хотела стать солдатом, чтобы защищать людей. Если она мертва...

Я не должна так думать.

Когда ночь становится холоднее, и я начинаю дрожать, я все равно не позволяю Келлину приблизиться. Я этого не хочу. Хочу быть несчастной. Это почему-то заставляет меня чувствовать себя лучше.

Я не могу заснуть, потому что мне очень холодно. Но в конце концов комнату заполняет храп Келлина.

Мои зубы начинают стучать. Я по-прежнему не двигаюсь. Если мне суждено умереть здесь, я сделаю это, не потеряв своего достоинства.

Кажется, я уже начала клевать носом, как вдруг открывается дверь. Входит охранник со связкой ключей в руках, и Келлин вскакивает на ноги.

Им даже не нужно применять силу, чтобы вытащить нас из камеры и провести через ряд запертых дверей. Мы, наконец, выходим из подземелий туда, где тепло. На самом деле даже слишком тепло.

В замке тихо. Я не слышу смеха придворных или музыки. Все словно замерло, и от этого почему-то становится только хуже.

Нас ведут в большой тронный зал, и это первое место, которое хоть как-то украшено. Равис, старший из братьев и сестер Петрика, сидит в большом кресле. По обе стороны от спинки кресла торчат наконечники копий, основания которых ведут вниз к задним ножкам этого роскошного изделия. Подлокотники вместе с передними ножками изображают гигантские кошачьи когти.

Принц одет в свободный алый сюртук. Рукава доходят до запястий, а подол касается лодыжек. На ногах у него сандалии, усыпанные драгоценными камнями, а на каждом пальце сверкают кольца. На его голове красуется массивная корона, каждый шпиль которой заканчи-

вается смертоносным острием. В основании шести шпилей находятся шесть драгоценных камней: красного, синего, зеленого, желтого, оранжевого и фиолетового цветов.

Он выглядит скучающим.

– Кто вы и что вы сделали с моей целительницей? – спрашивает принц. Он еще даже не взглянул на нас. Вместо этого он смотрит на длинный кинжал, зажатый в его правой руке.

Ни Келлин, ни я не отвечаем.

– Скиро забрал ее обратно, не так ли? – спрашивает Равис, ничуть не смущенный нашим молчанием. – Кто бы мог подумать, что у него хватит смелости? Или силы. Не важно.

Равис крутит запястьем, несколько раз описывая длинным лезвием широкую дугу.

– Я обезглавил последних дураков, которые пытались украсть у меня Серуту. Что мне делать с дураками, которым это удалось?

Мой голос не подчиняется мне, я не могу найти слова. Едва могу дышать от страха, пронзающего меня все больше с каждым ударом сердца.

– Пошлите нас вернуть ее вам, – говорит Келлин.

При этих словах меня захлестывает волна паники. Что за игру затеял Келлин?

Равис начинает смеяться. Он выпрямляется и, наконец, смотрит на нас сверху вниз.

– Зачем мне это делать?

– Мы наемники, – говорит Келлин. – Ваш брат заплатил нам, чтобы мы вернули целительницу. Предложите нам большую сумму, и мы вернем ее вам.

Равис фыркает, а затем снова сосредотачивается на вращении своего чересчур длинного кинжала.

– Расскажите мне о том, как вы оказались здесь и как Серута так быстро исчезла. Какую новую магию открыл мой брат?

– Точно не знаю, – говорит Келлин. – Все, что я видел, так это то, что мы прошли через ваш портрет и внезапно оказались здесь.

– Хм. Волшебный художник, так? Что ж, мне надо будет найти его, когда я буду штурмовать ворота, чтобы забрать Серуту.

Келлин реагирует молниеносно:

– Зачем вам делать это самим, если можно послать нас?

– Потому что я все равно собираюсь в поход на жалкую Территорию Скиро, и я не переносу лжецов. Стракс, проверь-ка остроту моего кинжала, ладно? Пожалуй, сначала на девушке.

Стражник, стоящий в нескольких футах позади принца, делает шаг вперед.

– Мы не лгали, принц. Позвольте нам выполнить ваш приказ. Пощадите наши жизни, и мы вернем ее вам, – говорит Келлин.

– Лжецы, утверждающие, что они не лжецы. Должно быть, сегодня вторник. – Равис вздыхает. – Скажи мне, зачем наемнице уничтожать портрет, который мог бы перенести ее домой? Какой наемник не спасет свою шкуру?

Равис направляет свой кинжал прямо на меня.

Я отвожу взгляд. Я все еще не могу подобрать слова. Все, чего я хотела, это вытащить Келлина отсюда, но теперь я ничего не могу сделать. Ни один из нас ничего не может сделать. Мы окружены стражей. Нашего оружия нигде не видно. От выхода нас отделяет целый замок людей. Не говоря уже о том, что нам нужно пересечь целую Территорию, прежде чем мы сможем вернуться к Скиро.

– Тот, у кого доброе сердце, – шепчет Келлин слишком тихо, чтобы Равис мог услышать.

– Стракс, – бормочет Равис и вкладывает свой кинжал в руки своего охранника.

Который затем подходит ко мне.

Мной овладевает странное спокойствие, и я внезапно чувствую, что на самом деле нахожусь не здесь, а наблюдаю за этой сценой издалека. Вот что происходит на пороге смерти?

– Принц, прошу, не надо. Вам не нужно этого делать. Я виновник всего этого. Отпустите ее.

Слова Келлина никак не влияют на Рависа. Он поворачивается в кресле боком, закидывает ноги на один из подлокотников с кошачьими когтями. Затем его взгляд устремляется на меня. Он ждет, когда его человек расправится со мной.

Полагаю, это не самый ужасный способ умереть. Я сделала все, что могла, чтобы спасти Темру. И по ту сторону я могу встретиться с родителями, не испытывая вины. По большей части. Вероятно, было много вещей, которые я могла бы сделать лучше. Но, по крайней мере, я сделала все, что могла, чтобы спасти жизнь моей сестры.

Я прожила хорошую жизнь. Я оставила свой след, свое оружие, которым может пользоваться весь мир. За последние несколько месяцев я повидала многое. У меня был первый поцелуй. Я узнала, каково это – быть с кем-то вместе. Я вырастила свою сестру, и, если она выживет, у нее все будет хорошо. Петрик позаботится о ней.

Я сожалею только о том, что Келлин последует за мной. Он этого не заслужил. Этот глупец не должен был попасться.

Теперь, смотря на него, я не испытываю ни капли злобы. Перед смертью все становится таким ясным. Как я могу беспокоиться, когда знаю, что скоро я перестану о чем-либо жалеть? Я смотрю в его золотисто-карие глаза, а его глаза смотрят прямо в мои. Какие же красивые у Келлина глаза! Я скольжу взглядом по его волосам, восхищаясь рыжим цветом, вспоминаю, как они ощущались под моими пальцами. Его губы идеальны. Светло-розового цвета и более нежные, чем что-либо еще в этом мире. Я рада, что он поцеловал меня сегодня. Я закрываю глаза, чтобы насладиться этим воспоминанием в последний раз, именно в тот момент, когда кинжал приближается к моей шее...

– Это Зива Теллион! Магически одаренный кузнец!

Когда эти слова срываются с губ Келлина, я распахиваю глаза.

Он не мог этого сказать.

– Вы не можете убить ее. Она пригодится для штурма замка Скиро.

Как, как он может предлагать такое? Мое сознание моментально возвращается в мое тело, и я снова ощущаю себя подавленной.

Равис поднимает руку, давая знак своему человеку задержаться.

– Докажи это.

– Наше оружие, – говорит Келлин. – Оно заколдовано. Это она его сделала. Пусть ваши люди возьмут его, и вы увидите. Мой меч спрятан на чердаке за портретом в раме.

Скиро с шумом опускает ноги на пол.

– Если ты снова мне лжешь, я отрежу твой язык и скормлю его тебе же. Стракс.

Высокий стражник исчезает из виду, и я свирепо смотрю на Келлина.

– Что ты делаешь? – шепчу я.

– спасаю тебя.

– предавая наших друзей? предавая меня?

– Хватит шептаться, – говорит Равис. – Не важно, маг ты или нет, я все еще подумываю тебя убить.

Я хочу дать пощечину и Келлину, и этому надменному принцу. Я хочу увидеть свою сестру, хочу узнать, добралась ли Серута до нее вовремя. И в миллионный раз я хочу побыть в одиночестве в своей кузнице.

Когда Стракс возвращается, в одной руке он держит мои молоты, а в другой – двуручный меч Келлина.

Равис берет Леди Убийцу одной рукой и размахивает ею, как мгновение назад своим кинжалом.

– Что он делает?

– Пусть ваши люди атакуют вас все сразу, – инструктирует Келлин.

– Стракс.

Глава стражи Равис подает сигнал нескольким замершим в ожидании мужчинам и женщинам. Они, хоть и неуверенно, бросаются на своего принца. Я наблюдаю, как они размахивают копьями, – не наконечниками, а древками, – в попытках нанести по нему удар.

Равис – искусный фехтовальщик, это очевидно. Но Леди Убийца делает его неприкасаемым. Он крутится, пригибается и перепрыгивает все занесенные копья. Сам он не наносит никаких ударов – он не хочет причинять вред своим людям. Но он демонстрирует невероятную ловкость, уклоняясь от каждого удара.

Удовлетворенный, Равис прислоняет двуручный меч к своему трону.

– Молоты? – спрашивает он Келлина.

Келлин подробно объясняет, что делает левый молот, и Равис проверяет его, снова используя своих людей. Он в восторге от того, как работает молот-щит.

Удовлетворенный, Равис кладет мои молоты рядом с длинным мечом, а затем поворачивается ко мне:

– Прежде чем мы отправимся на Территорию Скиро, ты сделаешь оружие для меня и моих людей.

Будто удовлетворенный собственным решением, он кивает и отворачивается.

– Нет.

Все это время я молчала, но теперь одно-единственное слово слетает с моих губ, как раскат грома.

Равис не оборачивается, но останавливается как вкопанный. Он не говорит и не двигается целую минуту.

Затем он поворачивается:

– Стракс, мой кинжал.

Стражник бросает оружие своему принцу. Равис ловко ловит его.

– Ты можешь убить меня, – говорю я, когда он делает шаг ко мне.

Я не буду этого делать. Я не буду создавать ничего, что могло бы навредить моим друзьям или сестре. Только не снова. Я усвоила свой урок с Клинком Тайн.

Но вместо того, чтобы сократить расстояние между нами, Равис поворачивается к Келлину.

– Нет! – кричу я как раз в тот момент, когда он подносит лезвие к голове Келлина.

Неприятный звук. Стон боли. Кинжал окровавлен, Келлин тянет руку к лицу.

Равис держит часть его уха.

Я чувствую, что мой желудок скрутило узлом, а губы дрожат.

Я никогда не думала, что одно маленькое слово может причинить столько вреда.

Нет.

Я так потрясена, что даже не могу пошевелиться.

Равис протягивает мне кусочек уха, как будто это подарок, а затем бросает его к моим ногам.

– Ты заботаешься об этом человеке, иначе ты бы не осталась здесь ради него. Сделай мне мое оружие, или я подарю его тебе по кусочку за раз.

Не дожидаясь моего ответа, Равис снова разворачивается и уходит.

Глава 6

Я смотрю на Келлина, который все еще истекает кровью.

Он не издает ни звука, и я задаюсь вопросом, в себе ли он. Я знаю, что это скорее всего не так, но едва ли это знание мне помогает. Я не могу заставить руки и ноги работать. Я не чувствую... ничего. Даже того, как здесь жарко.

Но тут меня хватают чьи-то руки.

– Сюда, кузнец, – говорит Стракс. – Тебе нужно хорошенько выспаться перед завтрашней работой.

– Келлин, – произношу я, пытаюсь привлечь его внимание, даже когда меня тащат в сторону.

Наемник не двигается. Если бы я только могла заставить его поднять голову. Просто, чтобы увидеть его лицо.

Но, пока меня уводят из тронного зала, он так и не поднимает головы.

– Кто-то должен помочь ему, – говорю я, осмеливаясь наконец заговорить с держащими меня мужчинами.

Их хватка только усиливается, и я пытаюсь вырваться из нее.

– Разве вы не пошлете кого-нибудь ему на помощь? – умоляю я.

– Это будет зависеть только от того, будешь ли ты сотрудничать, – отвечает Стракс.

Тогда я прекращаю борьбу. Я перестаю упираться и охотно иду вперед, куда бы меня ни вели.

Я слишком поздно все понимаю.

Они поселили меня в старых комнатах Серуты. Ее тюрьма стала моей тюрьмой.

И я здесь из-за Келлина. А он сейчас где-то там, истекает кровью. Я не хочу, чтобы он умирал, и в то же время хочу убить его сама. Каким же испуганным он выглядел!

Дверь закрывается, и Стракс запирает меня внутри.

Прошло так много времени с тех пор, как я была в одиночестве.

Но это не тот вид одиночества, который исцеляет и освежает разум. Я в опасности, в незнакомом месте. Моя сестра может быть мертва. Келлин, возможно, истекает кровью.

И я одна.

Испуганная.

Голодная.

Измученная.

Я падаю на пол и рыдаю. Проходит совсем немного времени, дыхание учащается, и мной овладевает паника.

Я беспомощна. Бьюсь о стены своего собственного разума, пытаюсь найти выход. Из легких исчез весь воздух, все мое тело горит, и я уверена, что умираю. Кажется, проходит вечность, пока стены сжимаются вокруг меня, и все темнеет.

А потом усталость берет верх.

* * *

Я долго не сплю. В этом я уверена.

На плечи давит мешок с кирпичами, а голова ватная. Мои глаза покрыты коркой крови, и каждый мускул моего покрытого синяками тела изнывает от боли. Однако все это не имеет никакого значения.

Келлин у Рависа, и он собирается использовать его, чтобы заставить меня работать.

Если только он не позволит ему умереть этой ночью в тронном зале.

Мои мысли снова пытаются выйти из-под контроля, но вдруг кто-то входит в мою комнату. Служанка, одетая в простое легкое платье, которое открывает ее икры и руки. Она молчит. Не говорит мне ни слова. В руках она держит довольно большую кастрюлю, которую несет прямо к ванной, выливая туда дымящееся содержимое. В течение нескольких минут она ходит туда-обратно, наполняя ванну до краев.

Я пытаюсь поймать ее взгляд, даже пробую заговорить с ней. Но она не произносит ни слова.

Зайдя в комнату в шестой раз, она приносит комплект одежды. И еду. Она ставит поднос на диван у моих ног. Одежду она аккуратно раскладывает на кровати, чтобы не помять.

– Я вернусь за вами через час.

Она уходит прежде, чем я успеваю ответить.

Я, по-видимому, недостаточно горда, чтобы отказаться от еды, ванны или свежей одежды.

Я решаю, что, если хочу сбежать, мне нужно хорошо питаться и набираться сил. Ванна очистит мои мысли, смоет кровь с пальцев. Мне нужно как можно лучше подготовиться к тому, что ждет меня впереди.

Я почти не замечаю, что у меня на завтрак, хотя и съедаю его весь, чтобы утолить голод. Там есть какой-то розовый фрукт, который сначала нужно очистить. Он цитрусовый, с горьким послевкусием. С четвертого или пятого укуса он начинает мне нравиться. Хлеб мягкий и свежий, он приправлен специями, к которым я не привыкла, но покрыт восхитительным соленым маслом. Я запиваю все это стаканом воды.

Мне приходится ждать еще десять минут, прежде чем вода в ванне становится достаточно холодной, чтобы не ошпариться, но от воды моя кожа все равно розовеет. Выйдя из ванны, я надеваю оставленную для меня одежду: легкие брюки, рубашку без рукавов и сандалии на толстой подошве.

Когда служанка возвращается за мной и уводит из комнаты, не менее двадцати стражников следуют за нами по замку, на улице, а затем в кузницах.

Да, кузниц несколько.

В четверти мили от замка Рависа находится огромная открытая площадка с большим количеством печей, чем я могу сосчитать. Множество мужчин и женщин работают над различными видами оружия, в то время как другие работают с мехами, а оставшиеся работают с точильными камнями.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что Равис уже довольно давно готовится к войне.

– Разве это не чудесно? – говорит кто-то слева от меня.

Принц присоединился к нам вместе с его собственной стражей.

Я не могу сдержаться, и правда вырывается наружу:

– Ваши кузницы впечатляют.

– Я имел в виду оружие. Как человек, зарабатывающий этим на жизнь, ты, конечно, должна оценить, как много нам удалось произвести всего за полгода.

Я сглатываю.

– Что вы планируете?

– Не будь наивной.

– Это неправильно.

– Не думал, что ты лицемерка.

Я поворачиваюсь к нему:

– Я делаю оружие для людей, которые хотят защитить себя от бандитов. Я обеспечиваю безопасность людей, пока они путешествуют по опасным дорогам Чадры. Вы же хотите причинить им боль.

Рависа не пугает мой тон.

– Я тоже хочу обезопасить людей, кузнец. Обезопасить от ошибки моего отца. Мои братья и сестры не могут справиться с управлением своими Территориями. На них никогда не следовало возлагать такую ответственность.

– Я самый старший, – продолжает он. – Я был единственным, кого учили править. Чадра – мое право по рождению. Я просто забираю обратно то, что принадлежит мне. Однажды мир поблагодарит меня.

Все хуже, чем я предполагала. Я думала, что Равис хотел вторгнуться на Территорию Скиро, чтобы забрать целительницу. Но он хочет того же, чего хотела Кимора.

Весь мир.

Как иронично. После того как король Арунд приговорил своего брата к смертной казни за неудавшуюся попытку убийства, он решил, что впредь его семья не должна спорить из-за земли, поэтому он разделил королевство на шесть Территорий, завещав по одной каждому из своих детей.

Но Равис явно чувствует себя обманутым.

Я начинаю говорить мягче, придавая голосу, как мне кажется, рассудительный тон. Я не умею убеждать, но все равно стараюсь:

– Я была на нескольких других Территориях. Они начинают вставать на ноги после раскола. Не причиняйте вреда людям, снова переворачивая все с ног на голову. Не причиняйте вреда моим друзьям и близким, принося к ним в дом войну.

Равис вытаскивает свой длинный кинжал из ножен на поясе, слегка прокручивает острие на указательном пальце левой руки.

– Ты не можешь командовать мной, кузнец. Ты ничего не смыслишь в политике. Ты знаешь только сталь. Почему бы нам не сосредоточиться на том, в чем мы хороши, а?

Равис смотрит на одного из стоящих рядом рабочих.

– Эй ты, там. Принеси сюда оружие.

Крупный мужчина снимает ногу с педали точильного камня и поднимает меч в руке. Это полутораручный меч, но он больше, чем оружие, которым пользовались люди военачальники.

Мастер драматично опускается на колени и, склонив голову, протягивает меч своему принцу.

Равис берет его и направляет оружие в мою сторону рукоятью вперед.

Совершенно сбита с толку, я принимаю меч. Стражники вокруг меня слегка выпрямляются. Они готовы наброситься, стоит мне что-то вытворить.

– Заколдуй его, – приказывает принц.

– Я не могу.

– Нет? Мне нужно принести тебе еще одну часть наемника, запертого в моих подземельях?

По спине пробегает холодок, но, по крайней мере, теперь я знаю, что Келлин жив.

– Я могу колдовать над металлом, только когда он горячий. Я должна быть частью процесса изготовления. Я не могу колдовать над уже готовым оружием.

Это отчасти ложь, но я заставляю себя произнести ее. Все происходит слишком быстро, и мне нужно растянуть время.

– Так, принесите мне горячее оружие!

– Вы меня неправильно поняли. Я должна сама сделать оружие, принц.

Еще одна ложь. Я не очень хорошо умею лгать, но, надеюсь, Равис этого не заметит.

Он закатывает глаза.

– И сколько времени тебе нужно, чтобы сделать оружие?

– Обычно пару месяцев, – честно отвечаю я.

– Тогда какой, черт возьми, от тебя толк? Что я должен делать в таком случае? Подождать несколько лет, чтобы оружия хватило моим генералам?

Равис снова начинает размахивать кинжалом, описывая им широкие дуги сбоку от себя. Очевидно, это его привычка.

Кузнец, стоявший на коленях на земле, поднимается и подходит к своему принцу, что-то шепча ему на ухо.

– Ах, хорошее замечание, да. Сколько времени, леди кузнец, тебе потребуется, чтобы сделать оружие, если тебе будут помогать? У меня здесь есть целый легион кузнецов, которые могут помочь. Они могут делать десятки мечей в неделю.

– Меня зовут Зива.

– Я буду называть тебя так, как мне нравится. А теперь ответь на вопрос.

– Я не могу сказать. Мне... никогда раньше не помогали.

Кроме Темры.

– Ну, все когда-то бывает в первый раз. Элани!

Из-за спин личной стражи Рависа неторопливо выходит девушка моего возраста. До сих пор я ее не замечала. Ее кожа самая бледная, какую я когда-либо видела, золотистые волосы до талии. Черты ее лица дружелюбны, открыты, но, если она работает на Рависа, я не позволю ей одурачить меня.

– Зива, познакомься с Элани. Считай ее своей правой рукой. Тебе нужно что-то, чтобы сделать мне оружие? Сразу говори ей. Она должна присутствовать на каждом этапе производства. Ты не можешь перемещаться по кузнице без нее. Поняла?

– Да.

– Хорошо. А теперь приступай к работе.

– Но, принц, вы так и не сказали мне, чего вы хотите!

– Чего я хочу? Мне нужно оружие, девочка! Клянусь Сестрами, у тебя что, совсем мозгов нет?

Меня раздражают эти слова, но я продолжаю:

– Какого рода оружие? Что вы хотите, чтобы оно делало? Как вы хотите, чтобы оно выглядело? Как было украшено?

Равис наклоняет голову в одну сторону, затем в другую, смотря на меня так, как будто никогда раньше не видел.

– Я специализируюсь на изготовлении клинков, – объясняю я, чувствуя себя неловко от его пристального внимания. – Люди приходят ко мне за единственным в своем роде оружием. Я не делаю двух одинаковых экземпляров. Обычно у них есть конкретные запросы. Я не хотела бы вас огорчать.

Тем более, если это будет стоить Келлину второй половины уха.

– Мне просто нужно знать, чего вы хотите.

– Это война, леди кузнец. Мне не нужна уникальность. Мне нужно количество. Меня не волнует, что все оружие будет одинаковым! Просто делай мне мечи.

Равис указывает на начальника своей охраны, Стракса. Я впервые замечаю, что мужчина носит за спиной двуручный меч Келлина.

– Сделай моих людей непобедимыми. Мне нужно оружие, чтобы захватить Чадру. Мне все равно, как ты это сделаешь. Просто сделай это. Любые дополнительные вопросы можно задать Элани. Если же я услышу от тебя что-то еще, то могу решить, что ты не стоишь стольких этих хлопот. Мы закончили.

Равис покидает меня, его стража плетется за ним. Солдаты, приставленные ко мне, остаются, распределившись вдоль стен кузниц.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на все, что находится позади меня. Шум, рев печей, и люди, люди, люди. Я хочу убежать.

Прежде чем я успеваю сделать какую-нибудь глупость, ко мне подходит девушка по имени Элани.

- Они не кусаются, – ласково произносит она.
- Я не привыкла работать на глазах у других.
- Я надеюсь, что ты быстро привыкнешь. Ради твоего друга.
- Ради нас обоих.
- Хочешь, я покажу тебе окрестности? – спрашивает она.
- У меня действительно есть право голоса?

Элани не отвечает; она проводит меня по кузницам, чтобы мы могли лучше рассмотреть пространство и то, как слаженно все работает. Назначенный мне стражник никогда не находится на расстоянии менее двадцати футов.

Прежде чем сдаться, я насчитала по меньшей мере четыре дюжины мужчин и женщин. Все они – крупные, натренированные люди. Элани объясняет, что здесь шестнадцать печей, двадцать пять наковален, дюжина точильных камней. Она знакомит меня с некоторыми из самых талантливых кузнецов Рависа, но я не запоминаю ни одного имени. Я слишком занята борьбой с тревогой, которая пытается подкрасться и взять верх. По возможности я никому не смотрю в глаза. Я не смогла бы запомнить все эти лица и имена, даже если бы попыталась.

Дети очищают кузницы от сажи, смазывают оружие маслом, аккуратно складывают его на высокие стеллажи. Кузницы оживленные, шумные и полны болтовни. Я чувствую, что не могу до конца успокоиться. Как будто каждый новый звук сотрясает мои кости, выводя меня из равновесия.

– Здесь ты будешь работать, – говорит Элани, показывая мне место в самом сердце обширных кузниц. Где за мной могут наблюдать все. Отсюда невозможно сбежать.

За кузницами я вижу единственную дорогу, ведущую прочь от замка, но по обе стороны от нее нет укрытия. Окрестности усеяны высокими, колючими растениями, не похожими ни на какие из тех, что я видела раньше. Изредка встречаются кустарники и кустарнички. Вдалеке, за чертой города, я вижу начало леса. Солнце находится слева от него, и я понимаю, что он простирается на юг. К Территории Скиро.

Но с такой усиленной охраной мне никогда не добраться до леса.

А затем приближается отряд стражников, и я еще сильнее ощущаю себя загнанной в ловушку. Но вдруг я замечаю, кого они сопровождают.

В центре толпы идет Келлин. При виде его лица я испытываю облегчение. Почему-то, рассматривая его, я чувствую себя лучше. Во мне зарождается надежда. Я думаю о том, что мы сможем пройти через это вместе.

Я борюсь с той частью себя, которая хочет разозлиться на него за то, что он втянул меня в эту передрагу, и за то, что он вложил в голову Рависа идею использовать меня для создания оружия, чтобы причинять боль другим. Но при виде бинта, закрывающего его левое ухо, я вспоминаю о том, как он мне нравится.

- С тобой все в порядке? – спрашиваю я его.
- Никаких разговоров! – кричит в ответ стражник.
- О, отвали, – говорит ему Элани. – Нет ничего плохого в том, что она задаст пару вопросов. Давай, Зива.
- Келлин? – спрашиваю я.
- Наши взгляды пересекаются.
- Я в порядке. Мне помогли. Мои условия для сна оставляют желать лучшего, но никто не причиняет мне вреда.

– Пока, – говорит тот же стражник. – Если не хочешь, чтобы это изменилось, тебе лучше не медлить. Приступай к работе.

Вот почему они привели Келлина. Чтобы держать меня в напряжении. Чтобы заставить меня быстрее выполнить свою работу. Я должна снабдить магическим оружием целую армию.

Это то, чего я больше всего боялась несколько месяцев назад, когда мы спасались от Киморы.

Теперь это стало моей реальностью.

Укус отчаяния силен, но я не могу позволить этому яду проникнуть внутрь. Если есть способ вытащить нас обоих отсюда, я собираюсь его найти. Я выиграла себе немного времени, чтобы подумать. Убедила Рависа, что не могу просто колдовать над оружием, которое он уже сделал, – что, конечно, было ложью. Я могла бы разогревать их одно за другим и сразу же колдовать над ними.

Но теперь мне разрешено начать процесс с нуля. Наверняка пройдут недели, прежде чем я закончу хоть одно оружие для принца. Я буду тянуть время при каждом удобном случае. Но должна показывать всем видом, что делаю все, что в моих силах.

Ради Келлина.

– Мне нужен фартук и перчатки, – говорю я Элани. – И покажи мне, где хранятся материалы.

Нас окружают не только стражники. Около семи мужчин и женщин стоят в моей новой кузнице и ждут. Довольно скоро я понимаю, что они – моя команда. И они ожидают инструкций.

– Эм...

Темра – единственный человек, который когда-либо был в кузнице вместе со мной, и я поражена тем, как больно это вспоминать. Прошло слишком много времени с тех пор, как я слышала ее голос, видела, как она смеется. Что, если я больше не увижу ее? Незнание может убить меня раньше, чем это сделают стражники Рависа.

Я пытаюсь навести порядок в голове. Я задвигаю все мысли о сестре на задворки своего сознания. Беспокойство о ней лишь отвлекает от моей текущей задачи.

Мне нужно разговаривать с людьми. Рассказывать им, как они могут мне помочь. Я смотрю на Келлина как на напоминание о том, почему я должна это сделать. Почему я должна отбросить тревогу, забыть о дискомфорте. Переплетя пальцы и опустив взгляд в пол, я бормочу инструкции.

Если кузнецы и сочли меня странной, они ничего не говорят. Равис явно дал им хорошую мотивацию работать. Они таскают мне железную руду. Разжигают печь. Управляют мехами. Начинают выплавлять сталь. И я сразу понимаю, в какой я беде. Все идет слишком быстро.

– Нет, позвольте мне самой, – говорю я женщине, наполняющей тигель древесным углем.

Я беру его, сама готовлю смесь, а затем помещаю ее в печь, которая уже разогрета благодаря человеку, работающему с мехами.

Другая группа уже закончила заполнять еще один тигель, и они передают его мне для проверки. Когда все готово, его добавляют в печь. Затем третий и четвертый. Целых пять тонн в печи одновременно. Затем Элани ведет меня в другую кузницу, где я проделываю то же самое. Снова и снова.

С каждым новым тиглем, добавляемым в печь, у меня в животе нарастает тяжесть.

Кузница раньше была местом, где я чувствовала себя в безопасности. Где я чувствовала себя уютно и счастливо.

Теперь она стала моей тюрьмой.

Теперь именно здесь я буду создавать то самое оружие, которое используют, чтобы угрожать всему, что я когда-либо знала.

Глава 7

Каждую ночь я падаю в постель с болью в мышцах. Я давно не работала столько времени без остановки. Мне нравится ощущение жжения в руках. Это значит, что я становлюсь сильнее. Но это изматывает меня, и мои помощники настаивают на том, чтобы помогать мне, когда я больше не могу наносить удары сама.

Вдобавок ко всему от постоянного пребывания в окружении людей я все время ощущаю тревогу. Это изматывает само по себе. Из-за этого я не сплю допоздна, просто чтобы какое-то время побыть в одиночестве. В противном случае у меня нет времени на размышления. Нет времени, чтобы вернуть себе внутреннюю силу.

Они каждый день приводят Келлина в кузницы, но не причиняют ему вреда. Я не даю им повода для этого. Я кую, формую, нагреваю металл мечей, которые мы изготавливаем. Если Равис предпочитает полутораручные мечи, я сделаю их для него.

Мы не прерываем работу, чтобы перекусить. Работники с кухонь приносят еду в кузницу в одно и то же время, и мы едим по очереди. В кузницах никогда не бывает тихо. Кто-то всегда что-то делает. Едва хватает времени, чтобы вздохнуть.

К шестому дню боль в моих мышцах превращается в тупую пульсацию. Я выучила имена всех мужчин и женщин в моей команде и даже иногда забываю, что они находятся рядом. Временами, когда я слышу звук только моего стучащего по металлу молота или смотрю на раскаленную добела сталь острия меча, я представляю, что вернулась домой и занимаюсь любимой работой.

А потом кто-нибудь задает мне вопрос, или стражник выкрикивает угрозу в адрес Келлина просто ради забавы.

Тогда я вспоминаю, где нахожусь, и меня охватывает страх.

Когда это становится невыносимым, я поднимаю глаза, смотрю на забинтованную голову Келлина и вспоминаю, чего стоит неудача. Этот ужас изо дня в день борется с моим гневом. Я не хочу, чтобы с Келлином случилось что-то плохое, но в то же время я сама готова избить его за то, что он сделал меня рабой воли Рависа.

Элани никогда не отстает от меня, постоянно наблюдая за всем, что я делаю, и она регулярно пытается завязать со мной разговор.

– Как давно ты колдуешь над металлом?

– Ты колдуешь своей волей или своим голосом?

– Ты слабеешь, когда используешь свою способность?

Я не знаю, действительно ли ей любопытно, или это Равис приказал ей устроить допрос. В любом случае я отвечаю, чтобы у окружающих Келлина стражников не было повода причинить ему вред.

– С тех пор как мне исполнилось девять.

– И то и другое.

– Не совсем.

Иногда она сама занята работой: штопает плащи, рубашки или платья. Но по большей части она наблюдает за мной, как будто может чему-то научиться. Но мой дар – это не то, чему можно научить. Магия либо есть, либо ее нет.

– Кто ты такая? – спрашиваю я ее однажды. – Почему Равис заставил тебя следить за мной?

Она пожимает плечами:

– Он надеется, что я чему-то научусь. И здесь недостаточно охранников, чтобы все время быть рядом.

При этих словах я устремляю взгляд на нее.

- Ты тоже заключенная?
 - Не совсем. Равис – мой работодатель, но он не до конца доверяет мне.
 - Но он доверяет тебе меня?
 - Думаю, да.
 - И для чего он тебя нанял?
- Она поджимает губы, но не отвечает, и у меня нет иного выбора, кроме как сменить тему.

* * *

Пока остывает последняя партия клинков, мы приступаем к формированию рукоятей для мечей. Процесс производства стали начинается по новой, но на этот раз мы забиваем нагретый металл в новые формы. Покончив с этим, я приступаю к формовке металла, обрабатывая его стамеской, пока он еще горячий.

- Что ты делаешь? – спрашивает Элани.
- Придаю форму.
- Он уже имеет форму рукояти.
- Тогда приукрашиваю, – говорю я и понимаю свою ошибку.

Когда я поднимаю глаза, Элани нежно улыбается мне:

– Ты художник, Зива, но принцу Равису не нужно искусство. Ему нужна скорость. Пока есть то, за что солдат может держать меч, никаких дополнительных украшений не требуется.

Я готовилась добавить изображения некоторых местных фруктов, которые я пробовала, и то, как, по моему мнению, могли бы выглядеть цветы таких деревьев.

Но мои навыки Равису не нужны.

Только моя магия.

Я вздыхаю, меняя стамеску на молоток, чтобы придать рукояти гладкую форму. Как только я это делаю, то слышу стук лошадиных копыт, тянущих тяжелую телегу, груженную железной рудой.

- Еще одна партия? – спрашиваю я.
- Каждый вторник и субботу, – отвечает Элани. – Принц не хочет, чтобы его запасы иссякали.

Поскольку столица Территории Рависа находится очень далеко от Южных гор, я не представляю, откуда он берет руду. Я спрашиваю об этом Элани.

– У принца Рависа есть друзья на южных Территориях, – говорит она. – Многие понимают, что Чадру необходимо объединить.

Я так понимаю, это просто означает, что у принца есть средства, и он покупает руду у людей, которые понятия не имеют, что из нее делают дальше. В моем родном городе Лирасу могут быть шахтеры, которые помогают принцу, сами того не зная. От этой мысли меня тошнит.

Я ищу Келлина среди бесчисленных стражников, приставленных следить за мной. Он там, где его держат всегда – достаточно далеко от любого кузнечного инструмента, чтобы у него не было даже шанса его использовать. Вместо того чтобы наблюдать за мной, как он обычно делает, Келлин смотрит на только что прибывшую телегу с железной рудой.

Каждый вторник и субботу.

Когда слова Элани эхом отдаются в моей голове, Келлин поднимает глаза. Он снова смотрит на телегу, потом на меня. Я медленно киваю, понимая, что он имеет в виду.

Упряжка с лошадьми прибывает сюда два раза в неделю, как по часам.

Это именно то, что нам нужно, чтобы сбежать.

Но это не решает проблему того, как мне увести Келлина от всех этих стражников до того, как они смогут навредить ему. И как нам укрыться от погони.

* * *

Когда всего через несколько дней все рукояти сформированы и приварены к лезвиям, все с ожиданием поворачиваются ко мне.

Пришло время мне заколдовать мечи Рависа.

Десять дней. Именно столько времени потребовалось моей команде, чтобы изготовить более пяти дюжин мечей. Так много, даже несмотря на мои усилия замедлить процесс, приложив руку к созданию каждого из них. Это простые клинки без резьбы и украшений, но они все же могут убить человека.

И теперь я должна сделать их еще более смертоносными.

– Тебе нужно, чтобы они вернулись в печь, да? – спрашивает Элани. – Ты упоминала, что они должны быть горячими, чтобы твоя магия сработала?

Я киваю.

Моя команда выполняет эту задачу за меня, и это хорошо, потому что у меня начали потеть руки. Как будто недостаточно было того давления, которое я испытывала при виде раны на голове Келлина или от бесчисленных стражников, наблюдающих за каждым моим движением.

Я не люблю колдовать на глазах у других. Иногда я даже заставляю Темру покинуть кузницу, когда приходит время для этой части процесса. Это то, что исходит изнутри меня, и отвлекающие факторы извне могут сдержать мою магию.

Или, наоборот, придать объекту непредвиденные способности.

Так я создала Клинок Тайн, меч всех мечей, которым Кимора так жаждала обладать, что гонялась за мной по всей Чадре. Когда я создавала это оружие, то меня отвлек Келлин. Это был первый раз, когда я его увидела, и в итоге я создала самый опасный меч, который когда-либо знал мир. К счастью, Клинок Тайн спрятан в маленьком городке Аманор. Он погребен в железной скале, откуда его может извлечь лишь достойный.

Когда сталь разогревается, Элани подходит к печи, вытаскивает щипцами один из мечей и протягивает его мне.

Я принимаю его, и впервые в жизни вещи, которые мне так дороги, кажутся чем-то неправильным. Сегодня я не использую свои способности для защиты. У этих клинков одна цель – разрушение. Из-за этого мое сердце начинает болеть, но я не могу допустить, чтобы Келлин пострадал.

У меня нет другого выбора, кроме как попытаться минимизировать ущерб.

Раньше, когда у меня был магазин в Лирасу, я делала мелкие предметы оптом: кинжалы, пряжки, стрелы, гвозди и тому подобное. Они были пропитаны простой магией. Они никогда не затупятся, не заржавеют и не сломаются. Стрелы всегда попадали в цель. Это предметы повседневного обихода, которые могли позволить себе простые люди.

Может быть, я могла бы сделать то же самое. Наполнить мечи Рависа простой магией. Он не упоминал о конкретных деталях. Он попросил увеличить их силу.

Отлично.

Это я могу сделать.

Пока я осматриваю оружие, в кузницах воцаряется тишина. Все вокруг меня перестают работать. Постоянный стук, скрежет и рев прекращаются. Все задерживают дыхание, наклоняют головы вперед.

Наблюдают за мной.

Я закрываю глаза и притворяюсь, что вокруг никого нет. Что в кузнице только я. Я в своем безопасном месте.

И я думаю о Темре.

Мы связаны кровью и годами, проведенными вместе. Наша любовь друг к другу теплая, взаимная и нерушимая. Я стараюсь помнить об этом, с нежностью перебирая свои воспоминания о ней. Вспоминаю, как она играла главную роль в городских спектаклях. Вижу, как светится ее лицо, когда она танцует. Вижу ее склонившейся над школьными заданиями. Слушаю ее болтовню о мальчиках. Это мелочи, но я бы все отдала, чтобы вернуть эти мгновения.

Я чувствую легкий импульс магии от оружия передо мной. Удовлетворенная, я закаляю лезвие и передаю его ближайшему рабочему, а затем повторяю все то же самое на другом мече.

После того как я заканчиваю колдовать над вторым, Элани меня прерывает.

– Что ты с ними сделала?

– Увеличила продолжительность их службы – и жизни солдат Рависа.

Она больше ничего не говорит, и я поднимаю глаза. У нее и у всех остальных вокруг меня выжидающие выражения лиц.

Значит, нужна демонстрация.

Я нахожу самого большого человека в кузнице.

– Иди сюда. Принеси молот.

Он сразу же слушается, и я кладу меч на ближайшую наковальню, держа его за рукоять и позволяя нескольким дюймам острия свисать с конца.

– Попробуй сломать его, – указываю я.

Мужчина смотрит на Элани, как бы спрашивая разрешения. Она кивает.

Пожав плечами, он поднимает свой молот и делает им удар по концу меча. Раздается звук, похожий на раскат грома, и рука мужчины отскакивает назад.

Наконечник меча все еще цел и совершенно не поврежден.

– Возьми его, – говорю я, протягивая ему меч.

Он внимательно осматривает оружие.

– На нем ни царапины. Я должен был разбить его вдребезги этим ударом. Подождите-ка минутку.

Он протягивает руку, проводит пальцем по кончику. Резко втянув воздух, он засовывает палец в рот.

– Он острый. Но мы еще не отправили эту партию на точильный камень.

– Это и не понадобится, – говорю я.

Равис должен быть доволен сэкономленным временем.

Элани забирает у него меч и сама осматривает его.

– Это впечатляет, но я не думаю, что это то, что имел в виду принц...

– Если принц хотел чего-то другого, тогда он должен был попросить об этом.

И я продолжаю.

* * *

К концу дня все пять дюжин мечей зачарованы, и команда уже запустила в печи новую смесь железа и древесного угля, готовясь сделать больше стали. Я боюсь предстоящей работы и ее конечного результата. Я думаю о том, как каждый взмах моего молота будет отзываться в моей душе.

А потом появляется принц со своей личной охраной во главе со Страксом, который все еще носит при себе двуручный меч Келлина.

Равис, не говоря ни слова, хватает одно из готовых оружий. Он вертит им, как любит делать со своим кинжалом. Стракс берет еще одно оружие, проводит серию упражнений, нанося удары по невидимому врагу.

Закончив, Стракс держит меч перед собой, балансируя лезвием на двух пальцах.

– Это лучшая работа, чем все, что до сих пор делали ваши кузницы. Баланс идеален. Лезвия легкие, но мощные.

Принц выслушивает мнение Стракса, а затем поворачивается ко мне:

– Что они делают?

Я опускаю взгляд в пол, не в силах вынести его пристального взгляда.

– Они будут служить вечно, принц.

Я пытаюсь придумать, что еще сказать. Что-то, что убедило бы его в ценности этих клинков. Но у меня в голове совершенно пусто.

Элани прочищает горло:

– Как только Зива колдует над лезвиями, они мгновенно становятся острыми. Нам не нужно тащить их на точильный камень. Эти мечи никогда не затупятся, никогда не заржавеют, никогда не сломаются. Клинки твоих воинов никогда не подведут.

Я переплетаю пальцы и, словно издалека, слышу, как хрустят мои суставы. Кажется, пока я ждала решения принца, я затаила дыхание.

– Я знаю, что ты можешь сделать лучше, леди кузнец. Новое оружие Стракса – тому доказательство. Я ожидаю, что следующая партия будет более мощной, иначе твой друг-наемник может пострадать.

Мой взгляд устремляется вверх.

– Принц, я не могу контролировать свою более мощную магию. Иногда она срабатывает, иногда – нет. Сильная магия более непредсказуема. Вы говорили, что вам нужно как можно больше оружия, поэтому вам подойдет более простая магия, – бормочу я.

Я на самом деле даже не отдаю себе отчета в том, что говорю. Правда это или ложь? Но я понимаю, что не могу сделать для него десятки непобедимых клинков, иначе мир обречен.

– Сделай лучше, – говорит Равис. – Тебя предупредили.

* * *

В ту ночь я не могу уснуть. Мой мозг перебирает все возможные варианты того, что может пойти не так. Я вижу Петрика и Скиро, падающих под моим магическим оружием. Вижу, как семья Келлина спасается бегством. Мой родной город горит. Все это преследует меня до самого утра.

* * *

Опустив глаза, я начинаю наносить удары молотом по следующему оружию.

– Зива, – говорит Келлин из угла кузницы. – Не делай этого ради меня.

– Тихо, – рывкает на него охранник.

– Я этого не стою, – говорит он. – Я не могу видеть тебя в таком состоянии.

– Ни слова больше!

О, он не может этого вынести? А как насчет меня? Я хочу сорваться. А как насчет того, что я была готова умереть в тронном зале Рависа, а Келлин предал меня? И снова он думал только о том, что бы он чувствовал, если бы я умерла, а не о том, что я буду чувствовать, вынужденная...

– Зива, пожалуйста...

Я поднимаю глаза как раз в тот момент, когда один из стражников бьет Келлина по поврежденной стороне головы. Его лицо искажается от боли, и я бросаюсь вперед.

– Стой на месте, кузнец, – говорит стражник, который его ударил, – или я еще раз хорошенько его ударю.

Слезы застилают мне глаза, но я возвращаюсь к своей работе. Я не позволю Келлину страдать из-за меня. Не позволю миру страдать из-за меня. Найду выход из этой ситуации.

Из-за недосыпа у меня болит голова, и каждый удар моего молота только усиливает пульсацию в висках. Я не могу так думать. Не тогда, когда я беспокоюсь о том, на что будет способна следующая партия мечей, или жива ли Темра, или достаточно ли у Келлина ума, чтобы держать свой глупый рот на замке.

Элани откладывает свою работу и встает рядом со мной.

– Какой у тебя план на следующую партию?

– У меня его еще нет.

– А твой план побега?

Я бросаю на нее свирепый взгляд. Я не могу найти в себе силы выглядеть невинной или удивленной:

– Если бы он у меня и был, я не стала бы рассказывать об этом лакею Рависа, не так ли?

Элани накручивает на палец прядь своих золотистых волос.

– Это справедливо. – Она делает паузу. – Я знаю, что это ничего не изменит, но я хочу, чтобы ты знала, что я не одобряю то, как с тобой обращаются. Нам нужна объединенная Чадра, но можно найти лучший способ добиться этого. К верности нельзя принудить. Ее можно только заслужить.

Я вытираю пот со лба тыльной стороной руки.

– Объединенная Чадра на данный момент лишь создает еще больше проблем. И если моя нынешняя ситуация хоть что-то говорит о том, как именно Равис намерен править объединенной Чадрой, то у меня нет надежды на будущее. Просто взгляни на Келлина.

Мгновение Элани ничего не говорит, и я сосредотачиваюсь на своей работе, придавая металлу форму.

– Когда-то мне был дорог один человек, – говорит она наконец. – Так же, как этот наемник дорог для тебя.

Я не прекращаю стучать молотком и не исправляю ее предположения о Келлине и мне. Может быть, когда-то мы и были близки. Теперь я даже не знаю, как назвать то, кем мы с Келлином являемся друг для друга.

– Налетчики с запада переплыли море и разграбили мою деревню на Территории Орены. Они зарезали моего Веррина прямо у меня на глазах.

– Мне жаль, – тихо говорю я.

– Никто ничего с этим не сделал. Принцесса Орена не собирается ни развязывать войну против западных островов, ни требовать справедливости от тех, кто напал. У нее нет ни сил, ни желания. Она слишком занята, пытаясь понять, как править своими землями.

– Разве ты не видишь? – продолжает она. – Мы должны быть едины. Никто из других членов королевской семьи изначально не должен был править. У нас должна быть единая армия. Сила, которая может постоять за людей и позаботиться о том, чтобы все жили мирно.

На этом я прекращаю стучать молотком.

– Кто сейчас заботится обо мне, Элани? Кто заботится о Келлине?

– Черт возьми! – говорит она. – Я помогаю тебе, чем могу. Но ты должна сделать это для Рависа. Для всех людей, которыми пренебрегают.

Мы пристально смотрим друг на друга. Ни один из нас не хочет отступать.

– То, что случилось с вашей деревней, ужасно и неправильно, – говорю я. – Ваша принцесса должна была лучше заботиться о вас, но это, – я указываю на все то, что происходит в кузницах, – тоже неправильно.

– Это все, что у меня осталось, – произносит она.

– И ты пытаешься помочь уничтожить все, что осталось у меня.

Элани отворачивается, увеличивая дистанцию между нами.

Я продолжаю стучать молотком.

Глава 8

Следующая партия оружия занимает немного больше времени.

Наряду с мечами Равис требует копья и боевые молоты для некоторых высокопоставленных членов своей армии, которые попросили конкретное оружие, соответствующее их вкусам. Хотя это и неправильно, разнообразие поднимает мне настроение.

Когда приходит время колдовать над оружием, у меня все еще нет плана побега. Однако у меня есть мысли по поводу магии. Равис сказал, что мне нужно сделать больше, и я решила, что лучшая стратегия здесь – это защитная магия. Невыносимо думать о том, что мое оружие увеличит смертоносность армии, стремящейся к мировому господству.

Но я ведь могу сделать так, что людей Рависа будет немного труднее убить.

Это лучше, не так ли? В некотором смысле я спасаю жизни.

Даже если я защищаю не тех людей.

Один за другим я беру мечи и думаю о том, что они могли бы делать. И снова мои мысли возвращаются к моей сестре. Она совсем не похожа на меня. Она сильная и умная, и, если с ней случается что-то плохое, она сразу же оправляется от этого.

Я помню, как сын губернатора настроил всех в школе против нее. Как он издевался над ней и заставил ее друзей отвернуться от нее. Конечно, сначала она была расстроена, но потом, как всегда, преисполнилась решимости жить своей жизнью так, как она сама того хотела.

Вынырнув из собственных воспоминаний, я чувствую, как магия нагревает мои пальцы там, где я касаюсь металла. Я поворачиваюсь к Элани и жестом прошу ее взять оружие, протягивая его ей за лезвие. Она сжимает рукоять и ждет указаний.

Я ничего ей не говорю. Вместо этого хватаю немагический меч и замахииваюсь на нее, выбивая оружие из ее пальцев. Элани отскакивает назад, как будто боится, что я проткну ее насквозь теперь, когда она безоружна, а я нет. Стражники по бокам кузницы прыгают вперед.

Но в тот момент, когда ее меч падает на землю, рукоять возвращается в ее руку, хотя она отступила от того места, где уронила его. Стражники замирают, а Элани смотрит на меч, будто сбитая с толку тем, откуда он взялся.

Я выбиваю оружие из ее пальцев во второй раз, и меч повторяет то же самое. Ударяется о землю и отскакивает обратно к ней в руку.

Не дожидаясь комментариев, я приступаю к следующему мечу. И следующему. И следующему. Элани что-то бормочет какому-то стражнику позади меня, но я пытаюсь выбросить все это из головы. Я не смогу работать, если буду переживать из-за окружающих людей. Есть только я и меч, я и следующий меч.

Краем глаза я замечаю движение Келлина, и я поражена, что все еще могу так хорошо осознавать его присутствие, когда мое внимание сосредоточено совсем на другом.

Наконец я беру один из боевых молотов, ощущаю его могучий вес в руках и думаю о том, чего я хочу от раскаленной стали.

– Покажи мне, – требует голос.

Сосредоточившись, я не услышала приближения принца, и он так сильно напугал меня, что я подпрыгнула от неожиданности. Моя концентрация была полностью разрушена.

Равис закатывает глаза.

– Не будь такой рассеянной, кузнец. Ты поранишься.

Он снова обращает свое внимание на Элани, которая показывает ему, как работают новые мечи. Она дает ему клинок, говорит, чтобы он едва за него держался, затем просит Стракса выбить меч у него из пальцев. Когда оружие возвращается в его руку, Равис ухмыляется.

Но мне все равно, чем занят принц. Я в ужасе смотрю на боевой молот, который держу в руках.

Он заколдован.

Но принц прервал меня, когда я пыталась наполнить его силой.

– А что насчет молота?

Голос Рависа доносится до меня словно издалека:

– Он тоже движется сам по себе?

Я моргаю один раз, поднимаю глаза на принца.

– Ну? – спрашивает он.

– Я не знаю, – бормочу я.

– Ты не знаешь? – спрашивает он, в его тоне появляется нотка раздражения.

– Вы напугали меня, пока я работала, и теперь он заколдован.

Равис вздыхает:

– Леди кузнец, поверь, испытание моего терпения – это не та игра, в которую тебе стоило бы играть. Изан, возьми молот и посмотри, на что он способен.

Один из самых крупных мужчин, которых я когда-либо видела, отделяется от личной охраны принца и подходит ко мне. Мясистая рука тянется к молоту, и я скорее роняю, чем вкладываю оружие в гигантскую ладонь. Изан переворачивает его, осматривая работу. Он проходит примерно двадцать ярдов от кузниц, а затем делает пробный взмах в воздухе.

Когда ничего не происходит, он пожимает плечами, а затем подходит к одному из этих высоких, колючих растений. Изан вращает молотом, направляя его прямо к стволу. Растение разлетается на миллион кусочков и осыпается на землю дождем из пыли.

От этого зрелища у меня внутри все сжимается, и в голове становится совершенно пусто.

Кузницы замолкают в ожидании команды Рависа.

– Еще раз.

Его человек находит другое растение, ударяет по нему молотом. Результат тот же. Растение распадается на такие крошечные кусочки, что их нельзя описать иначе как пыль, которая затем покрывает землю.

Лицо принца расплывается в широкой улыбке.

– Я думаю, что с кактусов хватит. У нас в подземельях есть несколько предателей. Давайте проверим, что будет с ними.

Принц и его свита уходят, даже не взглянув на меня. Мой взгляд останавливается на кучах того, что отсюда выглядит как зеленый пепел. Дует легкий ветерок и, перемешивая остатки, уносит верхний слой.

Я падаю на колени и безотрывно смотрю туда, желая, чтобы пепел снова собрался воедино в то, чем он когда-то был. Жду, когда закончится этот кошмар, который стал моей новой жизнью.

– Просыпайся, просыпайся, просыпайся, – шепчу я себе.

Но это все очень, очень реально.

Я только что сделала что-то, что одним взмахом превратит человека в пыль. В моем сознании возникают лица людей, которых я люблю. Они распадаются на кусочки и осыпаются на землю пеплом.

Я опасна.

Мой взгляд опускается на руки, покрытые свежими мозолями.

Эти руки оказались вынуждены убивать. Вынуждены создавать оружие, предназначенное для убийства.

Была ли я изначально создана для смерти? Я всегда хотела лишь помогать людям. Наслаждаться процессом создания. Хотела чувствовать себя ближе к матери, используя способность, которая досталась мне от нее.

Но кажется, что все, что я когда-либо делала, лишь наносит людям вред.

Я разрушила наши жизни в Лирасу, а затем подвергла мир опасности, создав Клинок Тайн. А теперь я занимаюсь массовым производством оружия, предназначенного для мирового господства.

Я теряю самообладание, впадаю в истерику, смеюсь и рыдая. Обхватываю себя руками, как будто могу стать меньше, сильно сжаться, пока не исчезну.

Почему я существую? Какой смысл создавать что-то, что будет использоваться только для разрушения?

Словно издалека я слышу, как кто-то кричит «Отпустите меня!», а затем раздаются звуки драки.

– Отпустите его, – говорит кто-то еще. Элани. – Только в этот раз.

Меня обхватывают теплые руки, и я позволяю им сделать это, думая, что, может быть, они смогут спрятать меня от всего мира.

Я чувствую губы у своего уха.

– Зива, все в порядке. Это не твоя вина. Ни в чем из этого нет твоей вины, ты меня слышишь?

Голос Келлина – как бальзам на душу, хотя мне не нравится, что это так, потому что я не должна жаждать от него утешения. Я должна была забыть его по миллиону причин. Потому что он спас меня, а не Темру. Потому что он собирался пожертвовать собой. Он предал мое доверие, выдав мои способности Равису. Он заставил меня заботиться о нем так сильно, что мне пришлось подвергнуть опасности весь остальной мир.

Келлин, может, и все, что у меня сейчас есть, но это не значит, что я должна вот так на него полагаться. Мы больше не вместе. Мне нужно быть сильной самой по себе.

Я отталкиваю Келлина, отряхиваю одежду и выхожу в центр кузницы. Я беру из печи следующее нагретое оружие и возвращаюсь к работе по заклинию мечей.

Я здесь. Я сосредоточена и контролирую свою магию.

Эти мысли кажутся неправдоподобными, но я должна цепляться за них.

* * *

Несколько дней спустя мы заканчиваем работу раньше обычного. Элани выводит меня из кузницы, стражники следуют за нами.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Сегодня вечером у тебя будет перерыв.

– Правда? – спрашиваю я, наслаждаясь мыслью о времени, которое я смогу провести в одиночестве.

– Да, мы идем на вечеринку! Разве это не здорово?

Я чувствую, как мое лицо вытягивается.

– Почему принц хочет, чтобы я присутствовала на вечеринке?

И, что еще более важно, как я могу этого избежать?

– Ты должна встретиться с некоторыми влиятельными людьми этой Территории. Они замечательные. Просто подожди.

Мне плохо. Как будто я недостаточно страдала от того, что делала оружие для Рависа. Теперь он ждет от меня *общения*.

В последний раз, когда я была на вечеринке, я оскорбила сына хозяина, и прием был завершен. Я была публично опозорена и унижена, и с тех пор все в моей жизни стало только хуже.

– Это плохая идея, – говорю я.

– Чепуха, – отвечает Элани.

В моей комнате меня ждет много дам, готовых к ужасным пыткам. Они моют меня, одевают, наносят макияж, приглаживают волосы горячими утюжками. Они выщипывают волосы у меня со лба, щиплют меня за щеки и запихивают меня в какое-то чудовищное платье. Оно тугое. Слишком тесное, чтобы двигаться, хотя на юбке есть разрез, который слишком сильно обнажает мою правую ногу. У верха нет ни рукавов, ни бретелек, – наверное, это чтобы демонстрировать мои руки, – и я не могу понять, какое колдовство удерживает эту мерзкую штуку от падения с моей груди и демонстрации еще большей части моего тела всем окружающим. Платье блестит серебристым цветом, от которого у меня болят глаза, если я смотрю на него слишком долго. Мои помощницы рисуют закрученные узоры на моих обнаженных плечах и возле глаз. Я чихаю от россыпи сверкающих блесков, которые осыпаются на мою кожу.

Я хочу быть в кузнице, или в подземельях, или где-нибудь еще.

Когда Элани приходит за мной, она лучезарно улыбается:

– Ты такая красивая!

Она одета в красное платье с короткими рукавами и юбкой, которая на самом деле недостаточно длинная, чтобы вообще называться таковой. Мне не нравится, как одеваются на этой Территории. Вся одежда слишком сильно оголяет тело. Я знаю, что это вынужденная мера из-за местного климата, но все же. Это еще одна вещь, которая заставляет меня чувствовать себя здесь не в своей тарелке.

Стражники сопровождают нас в тронный зал, полный украшений, которых раньше там не было. Все поверхности покрыты сверкающими камнями. Они не похожи на то, что я когда-либо видела. Большинство из них округлые, с грубыми серыми или коричневыми поверхностями, но все они разбиты посередине, открывая красивые мерцающие огни внутри.

– Они называются жеодами, – объясняет Элани. – Наша Территория богата ими, и в этой комнате можно найти все известные виды.

Множество пурпурных, белых и кремовых цветов подмигивают мне из открытых каменных сердцевин. Некоторые из них – красные и черные, гладкие, почти как стекло.

– Обсидиан, – говорит Элани, как будто это должно что-то значить для меня.

Люди едва ли не более элегантны, чем камни. Весь зал наполнен разодетыми вельможами. Многие девушки одеты примерно так же, как я. Видимо, это последний писк моды.

Я стараюсь ни с кем не встречаться взглядом, пытаюсь освоиться в новом месте.

В углу расположились музыканты. Музыка тихая и медленная, и гости раскачиваются в такт мелодии. Равис сидит на возвышении, на его голове красуется украшенная драгоценными камнями корона. Такие же камни украшают кинжал, висящий у него на боку. В целом его образ похож на тот, в котором я застала его при нашей первой встрече. На нем надет еще один сюртук, который, как я начинаю подозревать, носил покойный король, – этот изготовлен из тонкого шелка с эполетами, усыпанными мерцающими драгоценными камнями. Дворяне проходят перед ним один за другим, а затем присоединяются к толпе уже танцующих людей.

Стражники ведут меня вверх по ступеням помоста, туда, где рядом с троном принца стоят два деревянных стула. Элани садится по правую руку от него, а мне достается место слева.

Здесь все кажется неправильным. Мне не нравится сидеть выше остальных в зале. Выставлять себя на всеобщее обозрение. Это привлекает внимание гостей, и как мне притвориться, что нахожусь в пустой комнате, если на меня обращены взгляды стольких людей?

Прежде чем я успеваю полностью поддаться панике, ко мне наклоняется принц Равис.

– Южные двери.

Я понятия не имею, в каком направлении находится что-либо в этом замке, но я смотрю на разные двери и наконец замечаю то, на что Равис, должно быть, обращает мое внимание.

Келлин.

Мне требуется мгновение, чтобы его узнать, потому что у него на голове красуется большая шляпа моряка. Должно быть, она нужна для того, чтобы скрыть бинты. Она выполнена

из высококлассной черной кожи. Он одет не хуже, чем остальные гости. Красная шелковая туника. Мерцающие легкие брюки. Сапоги с серебряными пряжками. И поверх всего этого – капитанский мундир с серебряными пуговицами по бокам. Равис, должно быть, выдает его за какого-то иностранного вельможу.

Келлину наверняка жарко под всеми этими слоями ткани.

Его сопровождают две дамы, по одной с каждой стороны, и на обеих из них чуть меньше одежды, чем на мне.

От всех этих зрелищ и запахов у меня сводит живот, но при виде Келлина и этих женщин меня охватывает новое чувство.

Что-то горячее и злое.

Глаза Келлина встречаются с моими, как будто чувствуя мой взгляд. На таком расстоянии невозможно сказать наверняка, но я думаю, что он замечает мое платье и мою близость к Равису.

Я пристально смотрю на него. Он пристально смотрит на меня.

– Произведи сегодня хорошее впечатление, и ему не причинят никакого вреда, – говорит Равис.

И тогда я понимаю, что эти женщины не придворные. Очевидно, что нет. Они стражницы. Я вижу их мечи в ножнах у бедер. Я замечаю, как ровно они держатся, как поворачивают головы, оглядывая помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.